

Литрес ≡ Классика

Артур Конан Дойль

ИЗГНАННИКИ

Артур Конан Дойл

Изгнанники

«ЛитРес»

1893

Дойл А.

Изгнанники / А. Дойл — «ЛитРес», 1893

Историко-приключенческий роман о Франции времён Людовика XIV. Главный герой, капитан королевской гвардии Амори де Катина, храбрый дворянин-гугенот, верой и правдой служит королю. Однако после отмены Нантского эдикта он и его близкие оказываются вне закона. Вместе с американским другом Амосом Грином капитан вынужден бежать от преследований в Новый Свет, где беглецов ждут новые суровые испытания.

© Дойл А., 1893

© ЛитРес, 1893

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
Глава I	7
Глава II	12
Глава III	20
Глава IV	25
Глава V	30
Глава VI	35
Глава VII	42
Глава VIII	47
Глава IX	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Артур Конан Дойл
Изгнанники**

ЛитРес
библиотека

© «Литрес», 2026

Предисловие

Если автор какого-нибудь исторического сочинения или романа упоминал бы о всех источниках, откуда он черпал сведения, ему пришлось бы уснастить свою книгу чрезмерным количеством библиографических примечаний; но всякий, кому приходится писать о французском дворе семнадцатого столетия, высказал бы полную неблагодарность, не признавшись, насколько он обязан мисс Юлии Гард; то же самое можно сказать о мистере Фрэнсисе Паркмане по истории Америки.

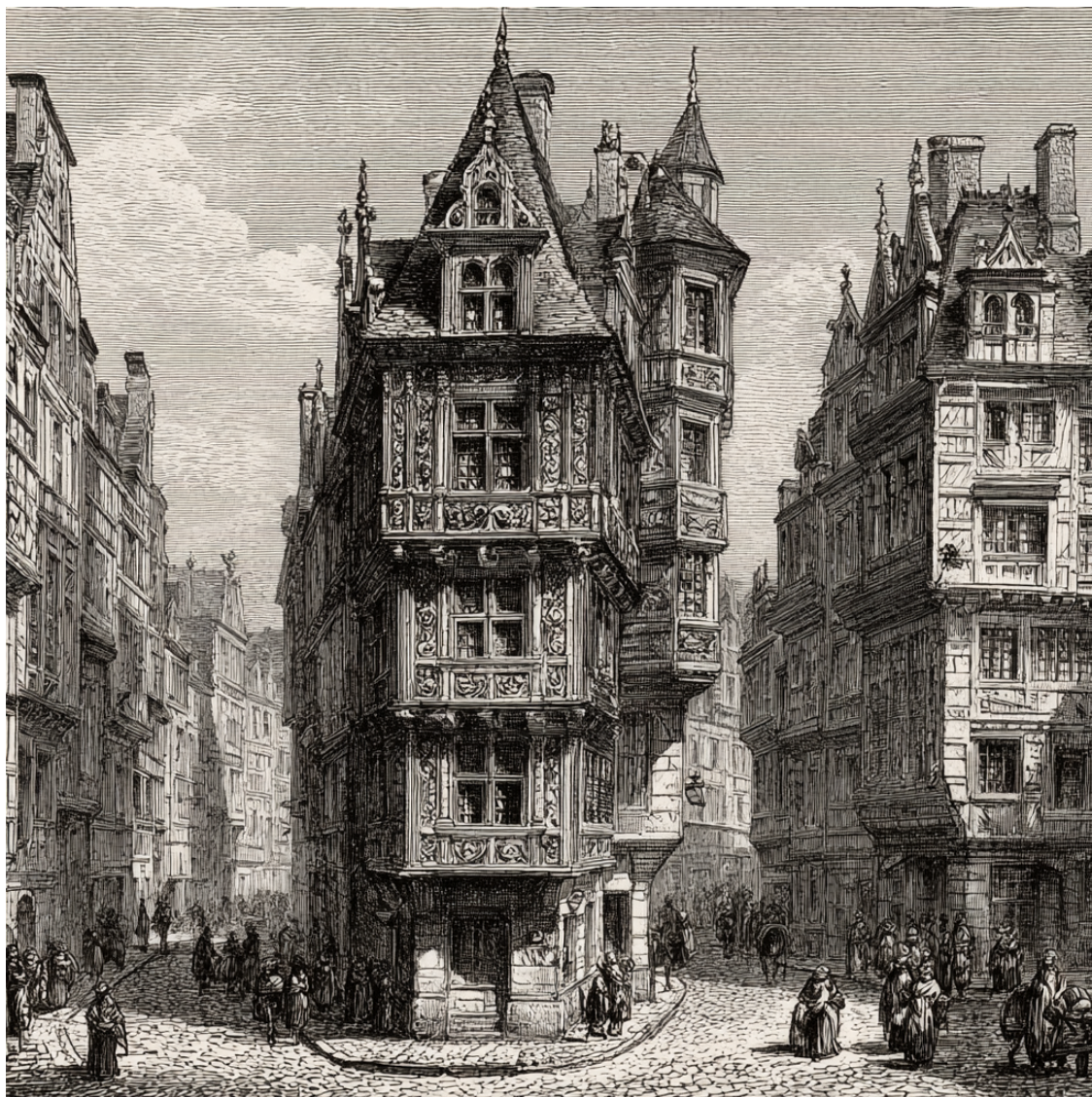
Должен добавить, что я позволил себе некоторые вольности в обращении с историческими фактами. Они сказались главным образом в том, что события, происходившие в продолжение трех лет, мною изображены случившимися за гораздо более короткое время.

А. Конан Дойл

Южный Норвуд, 14 марта 1892 г.

Часть первая Старый свет

Глава I Человек из Америки

То было обыкновенное окно, одно из тех, какие существовали в Париже в конце семнадцатого столетия, – высокое, разделенное пополам большой поперечной перекладиной, над которой красовался маленький герб – три красных чертополоха на серебряном поле, нарисованные на стекле ромбовидной формы. С наружной стороны окна торчал толстый железный прут; на нем висело изображение маленького золоченого тюка шерсти, раскачивающееся и скрипящее при малейшем порыве ветра. На противоположной стороне улицы из этого окна можно было увидеть высокие, узкие, вычурные дома с деревянной резьбой по фасадам, с остроконечными крышами и башенками на углах. Внизу же протянулась булыжная мостовая улицы Святого Мартина, откуда доносился несмолкаемый топот массы человеческих ног.

В одном из этих домов в роскошно убранной комнате у самого окна стояла широкая скамья, обтянутая коричневой тисненой кожей. Расположившись на ней, члены семьи могли видеть все, что происходит в деловом мире улицы.

В настоящую минуту в комнате, спиной к окну, сидели мужчина и девушка. По временам они переглядывались друг с другом, и глаза их светились счастьем.

Впрочем, тут не было ничего удивительного, так как вместе они представляли собой красивую парочку. Девушка была на вид очень молода, не старше двадцати лет; лицо ее, ясное, нежное, полное выразительности и свежести, как бы свидетельствовало о чистоте и невинности. Никому и в голову не пришло бы пожелать, чтоб эта девическая прелесть сменилась более яркими красками. Черты лица были мягки и привлекательны, а иссиня-черные волосы и длинные темные ресницы составляли острый контраст с мечтательными серыми глазами и белизной кожи, напоминавшей слоновую кость. Во всей осанке девушки чувствовалось какое-то особое спокойствие и сдержанность, еще более оттеняемые простым платьем из черной тафты; брошка черного агата с таким же браслетом служили единственным украшением этого наряда. Такова была Адель Катина, единственная дочь известного гугенота, торговца сукном.

Но простота костюма девушки с избытком вознаграждалась роскошью одежды собеседника. Это был человек старше ее лет на десять, со строгим лицом солдата, мелкими, четкими чертами, холеными черными усами и темными, карими глазами, становившимися жесткими в момент отдачи приказа мужчине и нежными при обращении с мольбою к женщине, впрочем, и в том и в другом случае с одинаковым успехом. На нем был кафтан небесно-голубого цвета, расшитый блестящими галунами с широкими серебряными погонами на плечах. Из-под кафтана выглядывал белый жилет, а брюки из такой же материи были убраны в высокие лакированные ботфорты с золочеными шпорами. Лежавшие рядом на скамье рапира с серебряной рукояткой и шляпа с пером дополняли костюм, носить который считалось особой честью. Любой француз признал бы в незнакомце офицера знаменитой голубой гвардии Людовика Четырнадцатого. Действительно, в этом молодом человеке с кудрявыми черными волосами и гордой посадкой головы угадывался изящный, блестящий воин, что он сумел, кстати, уже доказать на поле брани, и имя Амори де Катина выделилось среди множества фамилий мелкого дворянства, стекавшегося ко двору короля.

Он приходился кузеном сидевшей рядом с ним девушке, и в их лицах можно было даже найти фамильное сходство. Де Катина происходил из дворянского гугенотского дома, но, рано лишившись родителей, поступил на военную службу. Без всякой протекции он сам пробил себе дорогу и достиг своего нынешнего положения. Между тем как младший брат его отца, видя, что все пути перед ним закрыты вследствие преследований, обрушившихся на его единоверцев, откинул частичку «де» – признак дворянского происхождения – и занялся торговлей с таким успехом, что в описываемое нами время слыл за одного из самых богатых и выдающихся граждан Парижа. Офицер гвардии сидел в его доме и держал в своей руке белую ручку его единственной дочери.

– Скажи, чем ты взволнована, Адель? – проговорил он.

– Ничем, Амори.

– Ну а что значит эта складочка между нахмуренных бровей? Как пастух угадывает время по окраске неба, так я, дорогая, умею читать твои мысли, глядя на твое лицо.

– Право, ничего, Амори, но...

– Что «но»?

– Ты уезжаешь сегодня вечером.

– И возвращусь завтра.

– А тебе непременно, непременно надо ехать сегодня?

– Я мог бы поплатиться службой, если бы этого не сделал. Завтра утром я обязан дежурить у спальни короля. После обедни меня сменит майор де Бриссак, и тогда я снова буду свободен.

– Ах, Амори, когда я слышу твои рассказы о короле, дворе, знатных дамах, я, право, удивляюсь...

– Чему?

– Как ты, живущий среди такого великолепия, снисходишь до того, чтобы сидеть в комнате простого торговца.

– Да, но то, что находится в ней...

– Вот это-то и есть самое непонятное для меня. Ты, проводящий жизнь среди таких красивых, умных женщин, вдруг считаешь меня достойной своей любви, меня, совсем тихую, маленькую мышку, всегда одинокую в этом большом доме, такую застенчивую и неловкую. Вот это-то и удивительно.

– У всякого свой вкус, – промолвил Амори, поглаживая маленькую ручку. – Ведь женщины – это цветы. Некоторые предпочитают большой золотистый подсолнечник или розу, величественно красивую, невольно бросающуюся в глаза. А мне, наоборот, нужна крошечная фиалка, скрывающаяся среди мхов, но такая милая и благоухающая... А складочка у нас все не разглаживается, дорогая.

– Ах, мне так хочется, чтобы поскорее вернулся отец.

– Почему? Разве ты чувствуешь себя одинокой?

Внезапная улыбка осветила бледное лицо.

– О нет, я не буду одинока до вечера. Но я вечно беспокоюсь, когда его нет дома. К тому же теперь так много говорят о преследовании наших бедных братьев.

– Ну, дяде-то нечего бояться.

– Да, конечно, но, видишь ли, отец пошел к старшине гильдии переговорить насчет приказа о расквартировании драгун.

– И ты умолчала об этом!

– Вот бумага.

Она встала и взяла со стола лист синей бумаги с болтавшейся красной печатью. При взгляде на него Амори нахмурил свои густые черные брови.

«Предписывается вам, Теофилу Катина, торговцу сукном, проживающему по улице Святого Мартина, дать помещение и продовольствие двадцати солдатам из Лангедокского полка голубых драгун под командой капитана Дальбера, впредь до дальнейшего распоряжения.

(Подписано) Де Бопре, королевский комиссар».

Де Катина хорошо знал этот способ притеснения гугенотов, практиковавшийся по всей Франции, но льстил себя надеждой, что своим положением при дворе избавит родственников от подобного унижения. В гневе он швырнул бумагу на пол.

– Когда они должны прибыть?

– Отец говорил, сегодня вечером.

– Ну так они недолго задержатся здесь. Завтра я достану приказ об их удалении. Однако солнце зашло за церковь Святого Мартина, и мне пора отправляться в путь.

– Нет, нет, не уезжай...

– О, мне и самому было бы спокойней передать тебя в руки отца, так как я боюсь оставить тебя одну с этими солдатами. Но от меня не примут никаких объяснений, коль скоро я не явлюсь в Версаль... Посмотри-ка, какой-то всадник остановился перед дверью. Он штатский. Может быть, он послан твоим отцом?

Девушка быстро подбежала к окну и выглянула, опершись рукой о плечо кузена.

– Человек из Америки? – повторил с удивлением офицер, и оба, вытянув шеи, стали разглядывать незнакомца из окна.

Всадник, сильный, широкоплечий мужчина, с коротко подстриженными волосами, повернул в их сторону длинное, чисто выбритое смуглое лицо с довольно резкими чертами. Надетая на его голове серая шляпа с мягкими полями могла показаться несколько странной, однако его темный костюм и высокие ботфорты ничем не отличались от костюма любого парижанина. Но вообще-то в нем было нечто экзотическое, и потому целая толпа зевак собралась поглазеть на всадника и лошадь. Старый мушкет с необычайно длинным стволом был привязан к стремяни так, что дуло торчало вверх; у луки седла болтался черный мешок, а сзади него красовалось скатанное ярко-красное полосатое одеяло. Крупная лошадь, серая в яблоках, вся была в поту и грязи; ноги ее, казалось, подгибались от усталости.

Всадник, убедившись, что это и есть разыскиваемый им дом, легко соскочил с седла, отвязал мушкет, одеяло и мешок, спокойно пробрался среди глазевшей на него толпы к двери и громко постучал.

– Кто он такой? – спросил де Катина. – Канадец? Я и сам могу считаться таковым. По ту сторону океана у меня было, пожалуй, столько же друзей, сколько здесь. Может быть, я встречал его? Там не очень-то много белых, и за два года я едва ли не повидал их всех.

– Нет, он из английских колоний, Амори. Но владеет нашим языком. Мать его была французенкой.

– А как его звать?

– Амос... Амос... ах, уж эти имена. Да, вспомнила... Амос Грин. Его отец давно ведет дела с моим, а теперь прислал сына, который, как я слышала, жил в лесах, посмотреть людей и мир. Ах, боже мой, что случилось там?

Из нижнего коридора внезапно раздались отчаянные крики и визг, затем чей-то мужской голос и звуки поспешных шагов. В один миг де Катина сбежал с лестницы и остановился, с изумлением глядя на происходившую перед ним сцену.

Две девушки визжали что есть мочи, прижавшись к косякам двери. В центре передней старый слуга Пьер, суровый кальвинист, отличавшийся обыкновенно сознанием собственного достоинства, вертелся волчком, размахивая руками и вопя так громко, что его крики, наверное, можно было слышать в Лувре. В серый шерстяной чулок, обтягивавший его худую ногу, вцепился какой-то пушистый черный шар, с маленькими блестящими красными глазками и ярко-белыми зубами.

Молодой незнакомец, вышедший было на улицу к лошади, услышав крики, поспешно вбежал в дом, схватил зверьку, ударил его два раза по мордочке и бросил головой вниз, в мешок, откуда тот выбрался.

– Ничего, – проговорил он на превосходном французском языке, – ведь это только медвежонок.

– О боже мой! – кричал Пьер, отирая пот со лба. – Ах, за эти минуты я состарился на пять лет. Я стоял у двери, раскланиваясь с месье, как вдруг кто-то схватил меня сзади.

– Это я виноват, не завязал мешка. Звереныш родился как раз в день нашего отъезда из Нью-Йорка, во вторник ему будет шесть недель. Я имею честь говорить с другом моего отца, месье Катина?

– Нет, сударь, – ответил с лестницы офицер. – Дяди нет дома. Капитан де Катина, к вашим услугам, а вот мадемуазель де Катина, хозяйка этого дома.

Незнакомец поднялся по лестнице и поклонился обоим с видом человека робкого, как дикая серна, но вместе с тем принявшего отчаянное решение перенести все, что выпадет на его долю. Он прошел с хозяевами в гостиную, но затем вдруг исчез, и шаги его уже раздавались на лестнице. Однако скоро он вернулся с красивым блестящим мехом в руках.

– Медведь предназначен вашему отцу, – проговорил он. – Эту же шкуру я привез для вас. Пустяк, но все же из нее можно сделать пару мокасин и сумочку.

Адель была в восторге. Да и было чем восхищаться, так как ни у одного короля в мире не было ничего подобного.

– Ах, как это красиво! – промолвила она, погружая руки в мягкий мех. – А что это за зверь и откуда он?

– Черно-бурая лисица. Я сам убил ее во время последней экспедиции в ирокезские селения у озера Онейда.

Адель прижалась щекой к меху; ее белое личико казалось мраморным на этом черном фоне.

– Очень жаль, месье, что отца нет дома, – сказала она, – но я от всего сердца приветствую вас за него. Комната вам приготовлена наверху. Если желаете, Пьер проводит вас.

– Комната, мне? Зачем?

– Как зачем? Чтобы спать.

– А разве мне непременно нужно спать в комнате?

Де Катина рассмеялся при виде недовольного лица американца.

– Можете не спать, если не желаете, – сказал он.

Лицо незнакомца прояснилось. Он подошел к дальнему окну, выходящему во двор.

– Ах! – вскрикнул он. – Там есть бук. Если вы позволите мне взять туда мое одеяло, это будет лучше всякой комнаты. Зимой, конечно, приходится спать под крышей, но летом я задыхаюсь... на меня давит потолок.

– Так вы живете не в городе? – спросил де Катина.

– Мой отец живет в Нью-Йорке, через два дома от Питера Втьювшанта, о котором вы, вероятно, слышали. Он – очень выносливый человек, переносит и это, но я... с меня достаточно и нескольких дней в Олбани или Шенектеди. Я всю жизнь провел в лесах.

– Мы уверены, где бы вы ни спали и что бы вы ни делали, отцу будет все равно, только вы бы были довольны.

– Благодарю вас. Ну так я возьму туда свои вещи и вычищу лошадь.

– Но ведь это может сделать Пьер.

– Нет, я привык делать все сам.

– Я пойду с вами, – проговорил де Катина. – Мне нужно сказать вам пару слов. Итак, до завтра, Адель.

– До завтра, Амори.

Молодые люди сошли с лестницы, и капитан проводил американца до двора.

– Вам пришлось проделать длинный путь? – спросил он.

– Да, я приехал из Руана.

– Вы устали?

– Нет, я редко устаю.

– Тогда побудьте с мадемуазель, пока не вернется ее отец.

– Почему вы просите об этом?

– Потому что я должен уехать, а ей может понадобиться защитник.

Незнакомец молча кивнул головой и, скинув свой темный сюртук, усердно принялся чистить грязную с дороги лошадь.

Глава II

Монарх у себя в опочивальне

Наступило утро следующего дня; капитан де Катина явился на службу. Большие версальские часы пробили восемь: монарх скоро должен был встать. По всем длинным коридорам и украшенным фресками проходам громадного дворца пробегали сдержанный говор и легкий шум, шли спешные приготовления к пробуждению ото сна и одеванию короля – великому придворному церемониалу, совершавшемуся при участии многих лиц. Проскользнул лакей, неся придворному цирюльнику, господину де Сен-Квентону, серебряное блюдо с кипятком для бритья короля. Несколько лакеев, бережно держа в руках различные части королевского туалета, толпились в коридоре, ведущем в прихожую. Кучка гвардейцев в блестящих голубых мундирах с серебряным шитьем подтянулась и взяла алебарды на караул. Молодой офицер, задумчиво смотревший из окна на террасу, где несколько придворных, смеясь, болтали между собой, круто повернулся на каблуках и направился к белой с золотом двери королевской опочивальни.

Едва он занял свой пост, как какой-то человек бесшумно вышел из спальни.

– Тсс! – прошептал он, закрыв за собой дверь и приложив палец к тонким, резко очерченным губам, причем на его тщательно выбритом лице с дугообразными бровями выразились мольба и предостережение. – Король еще изволит почивать.

Эти слова тут же шепотом стали передаваться из уст в уста среди группы людей, толпившихся у двери. Произнесший их господин Бонтан, обер-камердинер короля, сделал знак офицеру и отвел его к оконной нише, где тот только что стоял.

– Доброго утра, капитан де Катина! – фамильярно и вместе с тем почтительно проговорил он.

– Доброго утра, Бонтан. Как почивал король?

– Чудесно.

– Но ведь ему уже пора вставать.

– Нет.

– Вы еще не будили его?!

– Разбужу через семь с половиной минут.

Лакей вынул маленькие круглые часы, распорядившись тем человеком, который был правителем двадцати миллионов людей.

– Кто дежурит на главном посту?

– Майор де Бриссак.

– А вы здесь?

– Да, я буду находиться при особе короля в продолжение четырех часов.

– Очень хорошо. Вчера вечером, когда я был с ним один после «*petit coucher*»¹, он передал мне несколько распоряжений для дежурного офицера. Король велел, во-первых, не допускать господина де Вивонна к *grand lever*². Во-вторых, если будет записка от «нее», вы понимаете, от новой...

– Госпожи де Ментенон?

– Совершенно верно. Но лучше не называть имен. Так вот, если она пришлет записку, возьмите ее и при удобном случае тихонько передайте королю. И наконец, если – что очень возможно – придет другая, понимаете, прежняя...

– Госпожа де Монтеспан.

¹ Короткий сон (франц.).

² Большой подъем (франц.).

– Ах, этот ваш солдатский язык, капитан. Ну так слушайте, если придет она, вы вежливо не допускайте. Понимаете, любезно уговаривайте, но ни в коем случае не позволяйте ей войти к королю.

– Хорошо, Бонтан.

– Ну, у нас осталось только три минуты.

И он направился через толпу в коридор с видом гордого смирения, свойственного человеку, хотя и лакею, но считавшему себя королем лакеев на том лишь основании, что он лакей короля. У двери в опочивальню стоял ряд блестящих ливрей в напудренных париках, красных плюшевых кафтанах с серебряными аксельбантами.

– Здесь истопник? – спросил Бонтан.

– Да, сударь, – ответил человек, державший в руках эмалированный поднос с сосновыми щепками.

– А открывающий ставни?

– Здесь, сударь.

– Ожидайте приказаний.

Он опять нажал ручку двери и тихо исчез в темноте опочивальни. То была огромная четырехугольная комната с двумя большими окнами, завешанными дорогими бархатными занавесками. Несколько лучей солнца, проскользнув сквозь щели, играли яркими пятнами на светлой стене. Большое кресло стояло у потухшего камина с громадной мраморной доской, над которой висела гирлянда из бесчисленных арабесок и гербов, доходивших до роскошно расписанного потолка. В одном из углов стояла узенькая кушетка – ложе верного Бонтана.

В центре комнаты размещалась громадная кровать о четырех колоннах с гобеленовым пологом, откинутым у изголовья. Она была обнесена полированными перилами, между ними и кроватью образовался проход около пяти футов шириной. Там стоял круглый столик, накрытый белой салфеткой. На нем лежало серебряное блюдо с тремя кусочками телячьей грудинки и стоял эмалированный кубок с легким вином – на случай, если бы королю вздумалось закутить ночью.

Бонтан неслышно прошел по комнате, ноги его утопали в мягком ковре; тяжелый запах спальни навис в комнате, слышалось мерное дыхание спящего. Бонтан подошел к кровати и остановился с часами в руках, ожидая того мгновения, когда, согласно этикету двора, требовалось разбудить короля. Перед ним, под дорогим зеленым шелковым восточным одеялом, вырисовывалась потонувшая в пышных кружевах подушки круглая голова с коротко подстриженными черными волосами, горбатым носом и выступающей нижней губой. Лакей закрыл часы и нагнулся над спящим.

– Имею честь доложить вашему величеству, что теперь половина девятого, – проговорил он.

– А!.. – Король медленно открыл свои большие темные глаза, перекрестился и, вынув из-под ночной рубашки маленькую темную ладанку, поцеловал ее. Потом сел на кровати, щурясь оглянувшись вокруг себя с видом человека, постепенно приходящего в сознание после сна.

– Вы передали мои приказания дежурному офицеру, Бонтан?

– Да, ваше величество.

– Кто дежурный?

– Майор де Бриссак на главном посту, а в коридоре – капитан де Катина.

– Де Катина? А, молодой человек, остановивший мою лошадь в Фонтенбло. Я помню его. Можете начинать, Бонтан.

Обер-камердинер быстро подошел к двери и отпер ее. В комнату стремительно вошли истопник и четверо лакеев в красных кафтанах и белых париках. Без всякого шума они проворно приступили к исполнению своих обязанностей. Один схватил кушетку и одеяло Бонтана и в одно мгновение вынес их в прихожую; другой унес поднос с закуской и серебряный

подсвечник, а третий отдернул бархатные занавеси, и поток света залил комнату. На сосновые щепки, уже трещавшие в камине, истопник положил наискось два толстых круглых полена, так как чувствовалась утренняя прохлада в воздухе, и вышел вместе с остальными лакеями.

Едва они удалились, как вошла группа вельмож. Впереди всех выступали два человека. Один из них – юноша немного старше двадцати лет, среднего роста, с важными и медлительными манерами, стройными ногами и с лицом довольно красивым, но похожим на маску домино – оно было лишено выразительности, за редкими исключениями в виде проблесков насмешливого юмора. На юноше был богатый костюм из бархата темно-лилового цвета; на груди красовалась широкая голубая лента, из-под края которой блестела полоска ордена Святого Людовика. Его товарищ – смуглый мужчина лет сорока, с важной, полной достоинства осанкой, одет был в скромный, но дорогой черный шелковый костюм с золотыми украшениями у ворота и рукавов. Когда вошедшие приблизились к королю, то по сходству этих трех лиц можно было заключить, что они принадлежат к одной семье, и каждый легко мог бы догадаться, что старший – это месть младший брат Людовика XIV, а юноша – дофин Людовик, единственный законный сын короля и наследник престола, на который не суждено было воссесть ни ему, ни его сыновьям.

За сыном и братом короля следовала небольшая группа вельмож и придворных, обязанных присутствовать при церемониале. Тут были главный гардеробмейстер, первый камергер герцог Мэнский, бледный юноша в черной бархатной одежде, сильно хромавший на левую ногу, и его маленький брат граф Тулузский, оба незаконные дети госпожи де Монтеспан от короля. За ними вошли первый камердинер гардероба Фагон, лейб-медик Телье, лейб-хирург и три пажа в красных, расшитых золотом сюртуках. Они несли платье монарха. Таковы были участники малого семейного церемониала, присутствовать при котором считалось величайшей честью для придворных Людовика.

Бонтан вылил на руки короля несколько капель спирта, подставив при этом серебряное блюдо, чтобы капли могли стечь, а первый камергер подал чашку со святой водой; монарх обмакнул в нее руку, перекрестился и прочитал коротенькую молитву Святому Духу. Потом, кивнув в знак приветствия брату и бросив несколько слов дофину и герцогу Мэнскому, он, спустив ноги, сел на край кровати в своей длинной шелковой ночной рубашке, из-под которой торчали королевские маленькие белые ножки – поза довольно рискованная для всякого человека, но Людовик был так проникнут чувством собственного достоинства, что не мог себя представить смешным в глазах других при каких бы то ни было обстоятельствах. Так, болтая ногами, сидел повелитель Франции и в то же время раб всякого сквозняка, заставлявшего его вздрагивать. Господин де Сен-Квентон, королевский цирюльник, набросил пурпурный халат на плечи монарха и надел длинный, завитой придворный парик на его голову. Бонтан натянул королю красные чулки и подставил бархатные вышитые туфли. Король всунул ноги в них, подпоясал халат, встал и прошел к камину. Тут он сел в кресло, протянув к огню свои тонкие, нежные руки. Присутствовавшие при церемониале стали полукругом, в ожидании *grand lever*.

– Что это такое, господа? – внезапно спросил король, раздраженно оглядываясь вокруг. – Я чувствую запах духов. Наверно, кто-то из вас осмелился явиться надушенным в моем присутствии!

Сановники переглянулись, отрицая свою вину. Но преданный Бонтан подкрался сзади и открыл виновника.

– Ваша светлость, запах идет от вас, – обратился он к графу Тулузскому.

Граф Тулузский, маленький краснощекий мальчик, вспыхнул.

– Извините, ваше величество, вероятно, мадемуазель де Краммон обрызгала меня из своего флакона во время нашей игры вчера в Марли, – промолвил он, запинаясь. – Я не заметил, но если это неприятно вашему величеству...

– Чтобы не было этого отвратительного запаха. Чтобы не было! – кричал король. – Уф! Я задыхаюсь. Откройте нижнюю половину окна, Бонтан. Нет, не надо, раз он ушел. Разве сегодня не день бритья, господин де Сен-Квентон?

– Все готово, ваше величество.

– Так отчего же вы не приступаете? Уже на три минуты позже установленного для этого срока. Начинайте, месье, а вы, Бонтан, дайте знать, что начался *grand lever*.

Очевидно, король встал с левой ноги в это утро. Он бросал быстрые вопросительные взгляды на брата и сыновей; готовые сорваться с его губ упреки или насмешки оставались невысказанными, так как этому препятствовали манипуляции де Сен-Квентона. С небрежностью, результатом давнишней привычки, тот намылил королевский подбородок, быстро поводит по нему бритвой, затем отер его спиртом. Один из дворян угодливо помог королю натянуть короткие черные бархатные штаны, другой поправил их, а третий, сняв через голову короля ночную рубашку, подал денную, гревшуюся перед камином. Знатные царедворцы, ревниво оберегавшие свои привилегии, надели королю туфли с бриллиантовыми пряжками, гамаши и красный камзол, а поверх него – голубую ленту с крестом Святого Духа, сплошь осыпанным бриллиантами, и красную – Святого Людовика. Для постороннего глаза было бы странно наблюдать, как безучастно-спокойно стоял этот человек небольшого роста, устремив задумчивый взгляд на горевшие в камине дрова, между тем как группа людей с историческими именами суетилась вокруг него, дотрагиваясь до него то тут, то там, словно кучка детей, возившихся с любимой куклой. Надели черный нижний кафтан, повязали дорогой кружевной галстук, накинули широкий верхний камзол, поднесли на эмалированном блюде два дорогих кружевных платка, сунули их в боковые карманы, дали в руки трость черного дерева, отделанную серебром, – и монарх оказался готовым для дневных трудов.

Между тем в продолжение около получаса дверь в опочивальню постоянно то отворялась, то затворялась. Гвардейский капитан шепотом докладывал фамилию входившего дежурному из свиты, а тот передавал ее первому камергеру. Каждый новый посетитель делал три глубоких поклона королю, а затем отходил к своему кружку, принимаясь вполголоса разговаривать о новостях, погоде и планах на этот день. Мало-помалу число присутствующих все увеличивалось, и к тому моменту, когда королю подали его скромный завтрак, состоящий из хлеба и вина, сильно разбавленного водой, большая квадратная комната наполнилась толпой людей, среди которых было немало содействовавших тому, чтоб эпоха, о которой идет речь, стала самой блестящей в истории Франции.

Около короля стоял грубый, энергичный Лувуа, ставший всемогущим после смерти своего соперника Кольбера. Лувуа обсуждал вопрос организации войска с двумя военными. Один из них был высокий статный офицер, другой – странный, уродливый человек ниже среднего роста, но в мундире маршала. Последний был гроза голландцев – Люксембург, которого считали преемником Конде. Собеседник его, Вобан, уже занял место Тюренна.

Рядом с ними маленький седой кюре с добродушным лицом, отец Лашез, духовник короля, шепотом сообщал свои взгляды на янсенизм Боссюэ, величественному и красноречивому епископу из Мо, и высокому худому молодому аббату Фенелону, слушавшему его нахмурившись, так как его самого подозревали в этой ереси. Тут же находился и художник Лебрэн, беседовавший об искусстве со своими товарищами, Веррио и Лагером, архитекторами Блонделем и Ленотром, скульпторами Жирардоном, Пюже, Дежарденом и Койсво, творчество которых так сильно разукрасило новый дворец короля. Возле двери Расин, с улыбкой на вдохновенном лице, болтал с поэтом Буало и архитектором Монсаром. Все трое смеялись и шумели на правах любимцев короля, имевших вольность без доклада входить и выходить из его опочивальни.

– Что такое с ним сегодня? – шепнул Буало, кивая головой в сторону группы, окружившей монарха. – Кажется, сон не привел его в лучшее расположение духа.

– С каждым днем становится все труднее занимать его, – ответил Расин, покачивая головой. – Сегодня в три часа я должен быть у госпожи де Ментенон. Посмотрим, не рассеет ли его страничка-другая из «Федры».

– А вы не думаете, друг мой, что сама мадам может оказаться лучшей утешительницей, чем ваша «Федра»? – заметил архитектор.

– Мадам – поразительная женщина. Она умна, у нее есть сердце, такт; она восхитительна!

– Один только у нее излишек...

– Какой?

– Лета.

– Пустяки! Что за дело до ее настоящих лет, когда на вид ей тридцать? Что за глаза! Что за руки! Ну да и он не мальчик, друзья мои.

– Ах, это другое дело. Возраст для мужчины – дело второстепенное, для женщины – важный вопрос.

– Совершенно верно. На молодого человека действует то, что он видит, а на более пожилого – то, что он слышит. После сорока победа на стороне умного разговора, до сорока – хорошенького личика.

– Ах вы плут! Так, значит, вы считаете, что сорок пять лет мадам и ее такт одержали верх над особой тридцати девяти и красотой. Ну, когда это произойдет, ваша дама, конечно, не забудет, кто первый отнесся к ней с особым почтением.

– Но, я думаю, вы неправы, Расин.

– Увидим.

– И если вы ошиблись...

– Ну, что же тогда?

– Тогда дело для вас примет серьезный оборот.

– Почему?

– У маркизы де Монтеспан отличная память.

– Ее влияние может скоро пропасть.

– Не слишком полагайтесь на это, друг мой. Когда де Фонтанж, с ее голубыми глазами и золотистыми волосами, явилась сюда из Прованса, все так же полагали, что дни Монтеспан сочтены. Однако Фонтанж лежит в склепе на глубине шести футов, а маркиза провела на прошлой неделе два часа с королем. Она одержала победу раз, может одержать ее и другой.

– Ах, эта соперница совсем в ином роде. Это не молоденькая провинциальная пустышка, а умнейшая женщина Франции.

– Ну, Расин, вам хорошо известен нрав нашего доброго повелителя или, по крайней мере, вы должны бы его прекрасно знать, так как неразлучны с ним со времен Фронды. Неужели вы находите, что такой человек может постоянно забавляться проповедями или проводить целые дни у ног женщины в возрасте сорока пяти лет, наблюдая, как подвигается ее вышивка, или ласково глядя ее пуделя, меж тем как в салонах дворца столько красавиц и очаровательных женских глаз со всей Франции, сколько бывает тюльпанов на цветочной грядке у садовника-голландца. Нет, нет, уж если не Монтеспан, то какая-нибудь дива помоложе.

– Дорогой Буало, повторяю, ее солнце меркнет. Слышали вы новость?

– Какую?

– Ее брат, господин де Вивонн, не был допущен на прием.

– Не может быть.

– Однако это факт.

– Когда же?

– Сегодня утром.

– От кого вы слышали это?

– От де Катина, гвардейского капитана. Ему отдано приказание не допускать господина де Вивонна.

– Ага, значит, король в самом деле задумал что-то неладное. Так вот почему мы сегодня не в настроении. Клянусь честью, если маркиза действительно такова, как про нее говорят, ему придется испытать, что победить ее было легче, чем оттолкнуть.

– Да, с Мортемарами нелегко справиться.

– Ну дай-то бог ему покончить с этой. Но кто тот господин? У него лицо суровее тех, что обычно приходится наблюдать при дворе. Ага! Король обратил на него внимание, и Лувуа делает знак приблизиться. Клянусь честью, он вольнее чувствует себя в палатке, чем здесь, под расписным потолком.

Незнакомец, привлечший к себе внимание Расина, был немолодой, высокий, худощавый мужчина с большим орлиным носом, суровыми серыми глазами, глядевшими на собеседника из-под густых, нависших бровей, с лицом, имевшим такой отпечаток заботы и борьбы со стихиями, что оно выделялось среди свежих лиц придворной камарильи, точно старый ястреб в клетке меж ярко оперенных птиц. На нем был костюм темного цвета – этот оттенок вошел при дворе в моду с тех пор, как король отказался от легкомыслия и Фонтанж; но висевшая у незнакомца сбоку шпага была не бутафорской рапирой, нет, то был настоящий стальной клинок с медным эфесом, вложенный в перепачканные кожаные ножны и, очевидно, не раз побывавший на поле брани. Незнакомец стоял у двери, держа в руках шляпу с черными перьями, оглядывая полупрезрительным взглядом болтавших придворных. По знаку, данному военным министром, он начал пробираться вперед, к королю, довольно бесцеремонно расталкивая всех по дороге.

Людовик обладал в высокой степени способностью запоминать лица.

– Я много лет не видел его, но хорошо помню, – обратился он к министру. – Ведь это граф де Фронтенак, не правда ли?

– Да, ваше величество, – ответил Лувуа, – это действительно Людовик де Бюад, граф де Фронтенак, бывший губернатор Канады.

– Мы рады видеть вас вновь на нашем приеме, – проговорил монарх старому дворянину, нагнувшись поцеловать протянутую ему белую королевскую руку. – Надеюсь, холод Канады не заморозил вашего горячего чувства преданности нам.

– Это не мог бы сделать даже холод смерти.

– Ну, надеюсь, этого не случится еще много лет. Нам хотелось поблагодарить вас за все хлопоты и заботы о нашей провинции. Вызвали же вас сюда главным образом для того, чтобы выслушать из ваших уст доклад о положении дел там. Но прежде всего – так как дела, касающиеся Бога, важнее дел даже Франции – как идет обращение язычников?

– Нельзя пожаловаться, ваше величество. Добрые отцы иезуиты и францисканцы сделали все, что было в их силах, хотя и те и другие не прочь пренебречь благами будущего мира ради настоящего.

– Что вы скажете на это, отец мой? – обратился, подмигивая, Людовик к своему духовнику-иезуиту.

– Если дела эти имеют отношение к будущему, то хороший патер, как и всякий добрый католик, обязан направить их как следует.

– Совершенно верно, ваше величество! – подтвердил де Фронтенак, но румянец вспыхнул на его смуглом лице. – Пока ваше величество делало мне честь, поручая вести и эти дела, я не допускал ничьего вмешательства в исполнение моих обязанностей, какая бы одежда ни была на этом человеке – мундир или ряса.

– Довольно, сударь, довольно! – резко оборвал его Людовик. – Я спрашивал вас о миссиях.

– Они процветают, ваше величество. Ирокезы у Сольта и в горах, гуруны в Лоретте, а также алгонкины вдоль берегов всей реки, начиная от Тадузака на востоке до Сольт-ла-Мари и даже до Великих Равнин Дакоты, – все приняли знамение креста. Маркетт прошел вниз по реке на запад, проповедуя христианство среди иллинойцев, а иезуиты пронесли слово Божие к воинам Длинного Дома в их вигвамы у Ониндали.

– Могу прибавить, ваше величество, – вставил отец Лашез, – что, распространяя евангельскую истину, многие из них часто жертвовали и своей жизнью.

– Да, это верно, ваше величество! – задумчиво согласился Фронтенак.

– И вы допускали это?! – горячо воскликнул Людовик. – Вы оставили в живых этих безбожных убийц?

– Я просил войск у вашего величества.

– Я же послал вам.

– Один полк.

– Кариньян-Сальерский? Это мои лучшие солдаты.

– Но нужно было послать больше, ваше величество.

– А сами канадцы? Неужели вы не могли собрать достаточно сил для наказания этих негодяев, этих убийц Божьих слуг? Я всегда считал вас воином.

Глаза де Фронтенака вспыхнули, и одно мгновение, казалось, резкий ответ готов был сорваться с его губ; однако суровый старик, сделав над собой страшное усилие, сдержался и проговорил:

– Ваше величество может узнать, воин ли я, от тех, кто видел меня под Бенеффом, Мюльгаузенем, Зальцбагом и во многих других местах, где я имел честь своим оружием служить вашему величеству.

– Ваши услуги не были забыты.

– Именно потому, что солдат и имею некоторое понятие о войне, я знаю, как трудно проникнуть в страну, гораздо более обширную, чем Нидерланды, страну, покрытую лесами и болотами, где за каждым деревом притаился дикарь, хотя и не обученный искусству войны, но умеющий уложить северного оленя на расстоянии двухсот шагов и пройти три мили, пока вы сделаете одну. Ну а если наконец мы и добираемся до их деревень и сжигаем несколько пустых вигвамов да полей маиса, то что же дальше? Дальше приходится возвращаться назад, окруженными тучами невидимых врагов, скрывающихся позади нас, и твердо знать, что всякий отставший будет скальпирован ими. Вы сами воин, ваше величество. И я спрашиваю вас, легка ли такая война для горсти солдат, только что взятых от плуга, и эскадрона охотников, занятых все время мыслями о капканах и бобровых шкурках.

– Да, да, сожалею, что высказался, по-видимому, слишком опрометчиво, – проговорил Людовик. – Мы рассмотрим это дело в совете.

– Ваши слова согревают мое сердце! – воскликнул старый губернатор. – Радостью наполнятся все сердца вдоль длинной реки Святого Лаврентия, и белых и красных, когда долетит туда весть, что великий отец за океаном печется о них.

– Но все-таки не ожидайте слишком многого. Канада и так дорого обошлась нам, у нас много дел и в Европе.

– Ах, ваше величество, как бы я мечтал показать вам эту великую страну. Если ваше величество выиграет здесь какую-нибудь кампанию, что получит? Славу, несколько миль земли, Люксембург, Страсбург, один лишний город в королевстве. А там, при одной десятой расходов и сотой части необходимого здесь войска, – целый новый мир в ваших руках. И какой, ваше величество, – обширный, богатый, прекрасный! Где в другом месте можно найти такие горы, леса, реки? И все это может быть нашим, если только мы сумеем взять. Кто помешает нам? Несколько разбросанных племен индейцев да небольшая кучка английских фермеров и рыбаков. Обратите туда ваши помыслы, ваше величество, и через несколько лет вы будете стоять в

вашей цитадели в Квебеке и сможете воскликнуть: все это от снегов севера до теплого южного залива, от волн океана до больших равнин за рекой Маркетта – все это одна империя, и имя ей – Франция, король ее – Людовик, а на знамени красуются цветы лилий!

Румянец вспыхнул на щеках Людовика при этой картине, льстившей его честолюбию. С горящими глазами, сидя в своем кресле, он всем телом подался вперед, но тотчас откинулся назад, когда губернатор кончил говорить.

– Даю слово, граф, вы достаточно-таки заразились от индейцев их способностью к красноречию, о которой нам так много приходилось слышать, – проговорил он. – Но эти англичане... Ведь они гугеноты, не так ли?

– По большей части. Особенно на севере.

– Так, пожалуй, выгнав их, можно было бы оказать услугу нашей святой церкви. Я слышал, у них там есть город Нью... Нью... Как его название?

– Нью-Йорк, ваше величество. Они захватили его у голландцев.

– А, Нью-Йорк. Я слышал еще о каком-то другом городе. Бос... Бос...

– Бостон, ваше величество.

– Да, да. Нам стоило бы иметь там гавани. Скажите же мне, Фронтенак, – промолвил король, понижая голос так, что его могли слышать только Лувуа и королевские особы, – сколько нам понадобилось бы войска для очистки страны от этих людей? Один-два полка и столько же фрегатов?

Старый губернатор отрицательно покачал седой головой.

– Вы не знаете их, ваше величество, – проговорил он. – Это суровый народ. Несмотря на вашу милостивую помощь, мы с трудом могли удержаться в Канаде. Этим же людям никто не помогал, им только мешали; невзирая на холод, болезни, бесплодную почву, они живут и плодятся так, что леса рдеют перед ними и тают, словно лед на солнце, а звук их колоколов раздается там, где еще недавно завывали только волки. Они народ мирный и нехотя берутся за оружие, но уж если начали сражаться, то еще неохотнее прекращают борьбу. Чтобы положить Новую Англию к стопам вашего величества, я должен был бы попросить по крайней мере пятнадцать тысяч вашего отборного войска и двадцать линейных кораблей.

Людовик нетерпеливо вскочил и схватил трость.

– Я желал бы видеть вас подражающим тем людям, о которых вы только что говорили, с их превосходной привычкой обходиться во всем своими средствами, – вспылил он. – Преподобный отец, время отправляться в церковь. Земное может подождать, пока мы не воздадим должное Небесам.

Он принял молитвенник из рук одного из присутствовавших и направился к двери настолько поспешно, насколько позволяли ему высокие каблуки. Придворные расступались перед ним, а затем почтительно смыкались, следуя за королем по старшинству.

Глава III

У дверей опочивальни

Пока Людовик доставлял придворным удовольствие, им самим втайне признаваемое за величайшее из всех человеческих наслаждений, – лицезрение его августейшей особы, – молодой гвардейский офицер, стоявший перед дверью, был крайне занят передачей дежурному фамилий и титулов лиц, стремящихся получить доступ в опочивальню короля, обмениваясь с ними улыбками и короткими приветствиями. Его открытое, красивое лицо было хорошо известно всем придворным. Со своим веселым взглядом, живыми энергичными движениями он казался баловнем судьбы. И действительно, она благоволила ему. Три года тому назад это был никому не известный офицер, сражавшийся с алгонкинами и ирокезами в диких лесах Канады. Потом его перевели обратно во Францию, в Пикардийский полк, где счастливый случай помог ему совершить то, что не предоставили бы ему и десять кампаний. Однажды зимой в Фонтенбло де Катина удалось схватить за узду и сдержать несущуюся лошадь с самим королем как раз в тот момент, когда та была на краю глубокого песчаного обрыва. Так он спас короля. И в настоящее время положение молодого, изящного, популярного гвардейского офицера, пользовавшегося доверием монарха, казалось действительно завидным. Однако, по непонятному капризу человеческой природы, он уже пресытился скучной, хотя и блестящей жизнью двора и с сожалением вспоминал о той прежней, более суровой, но более свободной службе. И теперь, стоя у двери королевской опочивальни, он то и дело уносился мыслью туда, к диким берегам и покрытым бурлящей пеной быстрым рекам Запада. Вдруг взгляд его упал на лицо человека, знакомого ему как раз по прежним временам.

– Ах, господин де Фронтенак! – воскликнул он. – Вы, вероятно, не забыли меня!

– Как? Де Катина? Ах, как приятно встретить одного из тех, кого видел по ту сторону океана. Но, однако, какой скачок от младшего офицера в Кариньянском полку до капитана гвардии. Вы быстро пошли вперед.

– Да, но не скажу, что я стал счастливее от этого. По временам я отдал бы все, чтобы снова лететь в утлом челноке по канадским быстринам или любоваться склонами тамошних гор, усеянных красными и желтыми листьями в месяц листопада.

– Да! – вздохнул де Фронтенак. – А знаете, мне не повезло настолько же, насколько посчастливилось вам. Меня вызвали сюда, и на мое место уже назначен Делабар. Но не такому человеку, как он, устоять против бури, что скоро поднимется там. Когда ирокезы запляшут воинственную пляску, а Дюнган в Нью-Йорке будет подзадоривать их, я понадоблюсь, и меня найдут готовым гонцы короля. Сейчас увижу его и попытаюсь убедить разыгрывать там такого же великого монарха, каким он представляется здесь. Будь у меня в руках власть, я перекроил бы судьбы мира.

– Тсс! Нельзя сообщать подобного рода вещи капитану гвардии! – воскликнул со смехом де Катина, когда суровый старый вояка проходил мимо него в королевскую опочивальню.

В этот момент в коридор вошел вельможа в роскошной черной одежде, отделанной серебром, и взялся за ручку отворившейся двери с уверенным видом человека, имеющего бесспорное право входа к королю. Но капитан де Катина, быстро сделав шаг вперед, преградил ему путь.

– Очень сожалею, господин де Вивонн, – произнес он, – но вам воспрещен вход к королю.

– Воспрещен вход? Мне? Да вы с ума сошли!

Он отпрянул от двери с потемневшим лицом и с дрожащей полуприподнятой в знак протеста рукой.

– Уверяю вас, это приказание короля.

– Но это невероятно... Здесь ошибка.

- Очень может быть.
- Так пропустите же меня.
- Отданное приказание не допускает рассуждений.
- Мне бы только сказать одно слово королю.
- К несчастью, это невозможно.
- Только одно слово...
- Это не зависит от меня, сударь.

Взбешенный вельможа топнул ногой и воззрился на дверь, готовый силой ворваться в опочивальню. Потом он вдруг круто повернулся и быстро пошел назад с видом человека, принявшего какое-то решение.

– Ну вот, – проворчал де Катина, дергая свои густые черные усы, – натворит он теперь дел. По-видимому, сейчас явится сестрица. И предо мной встанет приятная дилемма: послушаться данного мне приказания или приобрести в ней врага на всю жизнь. Я предпочел бы скорее отстаивать форт Ришелье против ирокезов, чем преграждать разгневанной фурии вход в комнату короля. Ну вот, клянусь небом, как и ожидал, показывается какая-то дама. Ах, слава тебе господи! Это друг, а не враг. Доброго утра, мадемуазель Нанон.

– Доброго утра, капитан де Катина.

К нему подошла высокая брюнетка, со свежим лицом и блестящими глазами.

– Вы видите, я дежурный. Я лишен удовольствия беседовать с вами.

– Что-то не припомню, просила ли я месье разговаривать со мной.

– Да, но не следует так премило надувать губки, а не то я не выдержу и заговорю с вами, – шепнул капитан. – Что это у вас в руке?

– Записка от госпожи де Ментенон королю. Вы передадите ему, не правда ли?

– Конечно, мадемуазель. А как здоровье вашей госпожи?

– О, ее духовник пробыл с ней все утро; беседы его очень, очень хороши, но такие грустные. Мы всегда бываем печальны после ухода господина Годе. Ах, но я забыла, что вы гугенот, а значит, не имеете понятия о духовниках.

– Я не занимаюсь этими распрями и предоставляю право Сорбонне и Женеве оспаривать друг друга. Но, вы знаете, каждый должен стоять за своих.

– Ах, если бы вы только поговорили с мадам де Ментенон. Она сейчас обратила бы вас на путь истинный.

– Я предпочитаю говорить с мадемуазель Нанон, но если...

– О!

Раздалось легкое восклицание, шелест темной одежды, и субретка исчезла в одном из боковых переходов.

В конце длинного освещенного коридора показалась фигура величественной, красивой дамы, высокая, грациозная и до чрезвычайности надменная. Она не шла, а плыла, словно лебедь. На даме был роскошный лиф из золотой парчи и юбка серого шелка, отделанная золотистыми с серебром кружевами. Косынка из дорогого гонуэзского вязанья наполовину прикрывала ее красивую шею. Спереди косынка была застегнута кистью жемчуга; нить из перлов, каждое зерно которой равнялось годовому доходу какого-нибудь буржуа, красовалась в ее роскошных волосах. Дама была, правда, уже не первой молодости, но чудная линия ее фигуры, свежий чистый цвет лица, блеск глаз цвета незабудок, опущенных густыми ресницами, правильные черты – все это давало ей право считаться первой красавицей и в то же время прослыть за злой язычок самой опасной женщиной Франции. Вся осанка, поворот изящной гордой головки, прекрасно посаженной на белой шее, были так обаятельны, что чувство восторга взяло верх над страхами молодого офицера, и, отдавая честь, он с трудом удерживал требуемый обстоятельствами вид непоколебимой твердыни.

– А, это капитан де Катина, – произнесла госпожа де Монтеспан с улыбкой, которой капитан предпочел бы самую кислую мину.

– Ваш покорный слуга, маркиза.

– Я очень рада, что нахожу здесь друга, ведь утром произошла какая-то курьезная ошибка.

– Очень сожалею о том, что слышу о ней, мадам.

– Это касается моего брата, де Вивонна. Просто смешно говорить об этом, но его смели не допустить к королю.

– На мою долю выпало это несчастье, маркиза.

– Как? Вы, капитан де Катина?! На каком основании?

Она вытянулась во весь свой величественный рост, а большие голубые глаза заискрились гневным изумлением.

– По приказанию короля, мадам.

– Короля? Ложь! Он не мог нанести публичное оскорбление моей семье! Кто отдал такое нелепое приказание?

– Сам король через Бонтана.

– Чепуха! Как вы смеете думать, что король решится отказать в приеме одному из Мортемаров устами лакея? Вам это просто приснилось, капитан.

– Желал, чтобы это было так, мадам.

– Но подобного рода сны, капитан, не приносят их владельцу счастья. Отправляйтесь доложить королю, что я здесь и хочу поговорить с ним.

– Невозможно, мадам.

– Почему?

– Мне запрещено передавать поручения.

– Какие бы то ни было?

– От вас, маркиза.

– Однако, капитан, вы прогрессируете! Только этого оскорбления мне и не хватало! Вы вправе передавать королю поручения какой-то авантюристки, перезрелой гувернантки, – она резко рассмеялась над описанием облика своей соперницы, – и не рискуете доложить о приходе Франсуазы де Мортемар, маркизы де Монтеспан.

– Таковы приказания, мадам. Глубоко сожалею о том, что на мою долю выпало их исполнение.

– Прекратите ваши уверения, капитан. Впоследствии вы узнаете, что действительно имеете право чувствовать себя огорченным. В последний раз – вы отказываетесь передать мое поручение королю?

– Принужден отказаться, мадам.

– Ну так я сама это сделаю.

Она бросилась к двери, но капитан предупредил ее, преградив маркизе путь своей фигурой и вытянув руки.

– Ради бога, подумайте о себе, мадам, – прошептал он умоляюще. – На вас смотрят.

– Фи! Всякая шваль...

Она презрительно обвела глазами группу швейцарских солдат, получивших распоряжение своего сержанта отойти несколько в сторону. Теперь они наблюдали эту картину с широко раскрытыми глазами.

– Говорят вам, я увижу короля.

– Никогда еще ни одна дама не нарушала утреннего приема своим присутствием.

– Ну так я буду первой.

– Вы погубите меня, если пройдете.

– А я все-таки настою на своем.

Дело становилось серьезным. Де Катина вообще отличался находчивостью, но на этот раз она ему изменила. Решительность (так говорили в ее присутствии) или нахальство (так злословили за глаза) госпожи де Монтеспан вошли в поговорку. Если маркиза будет настаивать на решении пройти в опочивальню, хватит ли у него воли удержать силой женщину, еще вчера державшую в своих руках весь двор и, как знать, благодаря красоте ли, уму ли, энергии ли, могущую завтра же возратить свое влияние? Однако если она настоит на своем, он навсегда потеряет милость короля, не терпящего ни малейшего уклонения в исполнении его приказаний. Но если он прибегнет к насилию, то совершит поступок, который маркиза никогда не забудет, и, коль скоро ей удастся вернуть свое влияние на короля, она смертельно отомстит ему. Таким образом, как говорится: куда ни кинь – все клин. Но в ту минуту, когда прежняя фаворитка монарха, сжав руки и сверкая гневно глазами, собиралась предпринять новый натиск, капитану внезапно пришла в голову счастливая мысль.

– Если бы маркизе было угодно подождать, – проговорил он успокаивающим тоном, – король сейчас проследует в капеллу.

– Еще рано.

– Мне кажется, пора.

– Но почему я должна ждать, как лакей?

– Одно мгновение, мадам.

– Нет, этого не будет!

И она сделала решительный шаг к двери.

Но тонкий слух гвардейца уловил уже шум шагов короля, и он понял, что дело выиграно.

– Хорошо, я передам ваше поручение, маркиза, – вымолвил он.

– Ага, наконец-то вы опомнились. Отправляйтесь доложить королю, что мне необходимо переговорить с ним.

Капитану нужно было выиграть еще несколько секунд.

– Разрешите передать ваше поручение через дежурного камергера?

– Нет, сами, лично.

– Вслух?

– Нет, нет! На ухо ему.

– Должен я чем-нибудь мотивировать ваше требование?

– О, вы сведете меня с ума. Передайте сейчас же то, что я сказала вам.

К счастью для молодого офицера, его затруднению пришел конец – створчатые двери опочивальни распахнулись и на пороге появился сам Людовик. Он торжественно выступал, покачиваясь на высоких каблуках, и полы его камзола слегка раздувались. Придворные почтительно следовали сзади. Он остановился и спросил капитана:

– У вас есть для меня записка?

– Да, ваше величество.

Монарх сунул ее в карман своего красного камзола и проследовал было дальше, но вдруг взгляд его упал на мадам де Монтеспан, неподвижно и прямо стоявшую перед ним посреди коридора. Темный румянец гнева вспыхнул на щеках короля, и он быстро прошел мимо, не сказав ей ни слова. Маркиза повернулась и пошла рядом с ним по коридору.

– Я не ожидал такой чести, мадам, – проговорил Людовик.

– А я – такого оскорбления, ваше величество.

– Оскорбления, мадам? Вы забываетесь.

– Нет, это вы забыли меня, ваше величество.

– И вы ворвались сюда.

– Я хотела услышать решение о моей участи из ваших собственных уст, – прошептала она. – Я еще могу вынести удар от того, кто владеет моим сердцем. Но мне тяжело слышать,

что обижен брат устами лакеев и гугенотов-солдат, и то только потому, что его сестра слишком сильно любила.

- Теперь не время обсуждать подобного рода вещи.
- Могу надеяться увидеть вас, ваше величество, и когда?
- В вашей комнате.
- В котором часу?
- В четыре.
- Тогда я больше не буду надоедать вашему величеству.

Она отвесила ему один из тех грациозных поклонов, которыми славилась, и гордо поплыла назад по одному из боковых коридоров – глаза ее сияли торжеством. Сила ее красоты и ума никогда не изменяли маркизе, и теперь, добившись обещания свидеться с королем, она нисколько не сомневалась, что ей удастся достичь желанного, как и раньше, и снова своим очарованием увлечь в нем мужчину, как бы ни восставало в нем против этого королевское достоинство.

Глава IV

Отец народа

Людовик шел исполнять свои религиозные обязанности явно не в духе, о чем свидетельствовали и сурово нахмуренные брови, и плотно сжатые губы. Он хорошо знал свою прежнюю фаворитку, знал ее вспыльчивость, дерзость, полное неумение сдерживаться в момент противоречий. Она была способна выкинуть какую-либо отвратительную выходку, пустить в ход свой злой язычок, с целью отомстить королю и всячески его высмеять. Она даже в состоянии устроить публичный скандал, который сделал бы его притчей во языцех для всей Европы. Людовик вздрогнул при одной только мысли об этом. Следовало во что бы то ни стало предотвратить надвигающуюся катастрофу. Но как порвать связь? Не в первый раз приходилось Людовику проделывать это, но кроткая Лавальер скрылась за монастырской стеной, как только прочла в его взгляде угасшую страсть. Да, там была действительно настоящая любовь. А эта женщина будет бороться, биться до самого конца, прежде чем уступит другой то положение, которым она сама так дорожит. Она уже сейчас твердила о своих попраных правах, о нанесенных ей обидах. В чем же они? Крайний эгоист, живший в атмосфере вечной лесты, которой он дышал, Людовик не мог уяснить, что пятнадцать лет жизни, посвященной исключительно ему, потеря мужа, им же отдаленного, могли давать этой женщине кое-какие права на него. По его же мнению, он поднял ее на такую высоту, о какой только может мечтать подданная. Теперь она пресытила его и надоела, а потому ее обязанностью было незаметно удалиться на покой и быть благодарной за прошлые милости. Она получит пенсию, дети – обеспечение. Что же более может требовать любая благоразумная женщина?

И к тому же основания, чтобы ее удалить, были превосходные. Он мысленно перебирал их, стоя на коленях и слушая мессу, справляемую Парижским архиепископом. И чем больше он думал, тем сильнее утверждался в своем решении. В его представлении Бог был только более могущественный Людовик, а небо – более великолепный Версаль. Если он, король, требует повиновения от двадцати миллионов подданных, то и сам обязан выказывать послушание перед тем, кто имеет право требовать от него этого. Словом, совесть вполне оправдывала его поступки. Но в одном отношении он чувствовал свою вину: с самого приезда из Испании его кроткой, всепрощающей жены он никогда не оставлял ее без соперниц. Теперь, после ее смерти, дело обстоит не лучше. Одна фаворитка сменяла другую, и если Монтеспан продержалась дольше других, то скорее благодаря своей решительности, чем его любви. А теперь отец Лашез и Боссюэ постоянно твердят ему, что он достиг полного расцвета сил и скоро вступит на путь угасания, ведущий к смерти. Дикий взрыв страсти к несчастной Фонтанж был последним налетевшим порывом. Для него теперь наступил период спокойной, мирной жизни, а этого меньше всего можно ожидать в обществе мадам де Монтеспан.

Но он обрел место, где можно наслаждаться этим миром. С того первого дня, как де Монтеспан представила ему величественно-строгую и молчаливую вдову в качестве воспитательницы его детей, он стал постоянно испытывать все увеличивающееся удовольствие от ее общества. Сначала он целыми часами просиживал в комнате фаворитки, наблюдая, как тактично и просто воспитательница сдерживала буйные порывы вспыльчивого молодого герцога дю Мэна и шаловливого маленького графа Тулузского. Казалось, что он являлся в часы уроков следить за занятиями детей, но, в сущности, король ограничивался только тайным восхищением перед наставницей. Мало-помалу он поддался обаянию этого сильного, но в то же время и кроткого характера, начал обращаться к ней за советами по некоторым делам, причем следовал за полученным советом так послушно, как никогда не считался с мнением какого-либо министра или прежних фавориток.

А теперь он чувствовал: настало время сделать выбор между ней и де Монтеспан. Их влияние на него совершенно противоположно. Они несовместимы. И он стоит теперь между добродетелью и пороком, производя добровольно выбор между ними. Порок по-своему очень обаятелен, красив, остроумен и держит его труднопорываемой цепью привычки. Бывали минуты, когда природа брала верх и увлекала его по ту сторону добра, и он снова был готов вернуться к прежней чувственной жизни. Но Боссюэ и отец Лашез стояли на страже возле него, нашептывая слова ободрения, а главное, тут находилась мадам де Ментенон, напоминая королю, что приличествует его сану и сорокашестилетнему возрасту. Теперь наконец он решил сделать последние усилия. Он не в безопасности, пока его прежняя фаворитка еще при дворе. Людовик слишком хорошо знал себя, чтобы верить в продолжительность и прочность перемены своего настроения. Теперь она подкарауливает каждую минуту слабости с его стороны. Фаворитку нужно уговорить покинуть Версаль, и хорошо бы без скандала. Он будет тверд при сегодняшней встрече с ней и сразу даст ей понять, что ее царство закончилось навсегда.

Подобные мысли не давали покоя королю, стоявшему на коленях на prie-Dieu³ из резного дерева и опустившему голову на роскошную красную бархатную подушку. Обычно он сидел в своем отделении направо от алтаря; гвардейцы и ближайшие слуги окружали его, а приближенные дамы и кавалеры наполняли часовню. Благодетельство было в моде теперь так же, как темные камзолы и кружевные галстуки; благодать коснулась даже самых легкомысленных из придворных с тех пор, как король стал религиозен. Но скука отложила свой отпечаток на лицах всех – и знатных военных, и остальной камарильи. Они зевали и дремали над молитвенниками. Некоторые из них, казавшиеся столь погруженными в молитву, на самом деле читали последний роман Скюдери или Кальпернеди, искусно переплетенный в темную обложку. Дамы прикидывались более набожными, при этом каждая из них держала в руках по маленькой свечке, будто бы для чтения молитвенника, но, в сущности, лишь затем, чтобы король мог видеть их лица и мог знать, что душой они с ним. Может быть, тут было несколько людей, молившихся от чистого сердца и пришедших сюда добровольно; но поступки Людовика превратили французских дворян в придворных, светских людей и лицемеров, так что весь Версаль принял вид громадного зеркала, стократно отражавшего только образ короля.

По выходе из часовни Людовик имел обыкновение принимать просьбы и выслушивать жалобы своих подданных. Его путь лежал через открытую площадку, где обыкновенно и собирались просители. В это утро их было только трое – горожанин, считавший себя обиженным старшиной своей гильдии, крестьянин, у которого охотничья собака покусала корову, и арендатор, притесняемый своим феодальным хозяином. Несколько вопросов и короткий приказ секретарю покончили эти дела. Людовик, хотя был сам тираном, имел по крайней мере то достоинство, что настаивал на праве быть единственным деспотом в своем королевстве. Он уже хотел идти дальше, как вдруг пожилой человек почтенного вида, в одежде горожанина, со строгими характерными чертами лица, бросился вперед и припал на одно колено.

– Справедливости! Прошу справедливости, ваше величество! – крикнул он.

– Что это значит? – изумился король. – Кто вы и что вам нужно?

– Я – гражданин Парижа, и меня жестоко обижают.

– Вы, кажется, почтенный человек. Если вас действительно обидели, то вы получите удовлетворение. На что вы жалуетесь?

– У меня в доме расквартировано двадцать человек Лангедокских драгун под начальством капитана. Они едят мои запасы, ташат мое добро и бьют моих слуг, а в судах я не могу добиться удовлетворения.

– Клянусь жизнью, странно понимается правосудие в нашем городе, – гневно воскликнул король.

³ Скамеечка для молитвы (франц.).

– Дело действительно постыдное! – заметил Боссюэ.

– Но нет ли какой особой причины? – вставил Лашез. – Я предложил бы вашему величеству спросить этого человека, как его зовут, чем он занимается и почему именно у него в доме расквартированы на постой драгуны.

– Вы слышите вопрос достопочтенного отца?

– Ваше величество, меня зовут Катина, я торговец сукном и принадлежу к протестантской церкви.

– Я так и думал! – вскрикнул придворный духовник.

– Это меняет дело, – произнес Боссюэ.

Король покачал головой, и лицо его омрачилось.

– Вы сами виноваты во всем, и от вас зависит поправить дело.

– Каким образом, ваше величество?

– Принять единственную и истинную веру.

– Я уже принадлежу к ней, ваше величество.

Король сердито топнул ногой.

– Я вижу, что вы достаточно дерзкий еретик, – вспыхнул он. – Во Франции только одна церковь – и именно та, к которой принадлежу я. Если вы не член ее, то не можете рассчитывать на помощь с моей стороны.

– Моя вера – наследие моих предков, отца и деда, ваше величество.

– Если они грешили, то это не дает еще вам права повторять их ошибки. Мой дед также заблуждался, пока у него не открылись глаза.

– Но он благородно загладил свое заблуждение, – пробормотал иезуит.

– Так вы не поможете мне, ваше величество?

– Помогите прежде сами себе.

Старый гугенот с жестом отчаяния встал с колен, а король двинулся дальше. Оба духовника шли по бокам, нашептывая ему слова одобрения.

– Вы поступили благородно, ваше величество.

– Вы действительно старший сын церкви.

– Вы достойный наследник святого Людовика.

Но на лице короля появилось выражение не совсем довольного своим поступком человека.

– А вы не считаете, что к этим людям применяют слишком суровые меры? – спросил он.

– Слишком суровые? Ваше величество изволит заблуждаться от излишка милосердия.

– Я слышал, что они в огромном количестве покидают мою страну.

– Тем лучше, ваше величество; может ли благословение Божие пребывать над страной, где находятся такие упрямые еретики?

– Изменившие Богу вряд ли могут быть верными подданными короля, – заметил Боссюэ. – Могущество вашего величества только возросло бы, не будь у них в ваших владениях их храмов, как они называют свои еретические притоны.

– Мой дед обещал им свое покровительство. Вам самим хорошо известно, что они состоят под защитой Нантского эдикта.

– Но вы, ваше величество, можете изменить содеянное зло.

– Каким образом?

– Отмените эдикт.

– И бросить в распростертые объятия моих врагов два миллиона лучших ремесленников и храбрейших слуг Франции? Нет, нет, отец мой, надеюсь, я достаточно ревностно отношусь к нашей матери-церкви, но есть и некоторая доля правды в словах де Фронтенака о зле, происходящем в результате смешения дел сего мира с интересами мира дальнего. Что скажете вы, Лувуа?

– При всем моем почтении к церкви, ваше величество, не смею умолчать, что, верно, сам дьявол наградил этих людей изумительным умением и ловкостью, благодаря чему они – лучшие работники и купцы королевства вашего величества. Не знаю, чем мы будем пополнять казну, потеряв мы таких исправных плательщиков податей. Уже и так многие из них покинули отечество, а с отъездом прекратились и их дела. Если же они все оставят страну, то для нас это будет хуже проигранной войны.

– Но, – заметил Боссюэ, – как только известие распространится по Франции, что такова воля короля, ваше величество может быть уверенным, что даже худшие из ваших подданных, питая любовь к вам, поторопятся войти в лоно святой церкви. Но пока существует эдикт, им будет казаться, что король равнодушно относится к этому вопросу, и они могут пребывать в своем заблуждении.

Король покачал головой.

– Это упрямые люди, – возразил он.

– Если бы французские епископы принесли в дар государству сокровища своих епархий, – заметил Лувуа, лукаво взглянув на Боссюэ, – то мы смогли бы, вероятно, существовать и без налогов, получаемых с гугенотов.

– Все, чем располагает церковь, к услугам короля, – коротко ответил Боссюэ.

– Королевство со всем находящимся в нем принадлежит мне, – заметил Людовик, когда они вошли в большую залу, где двор собирался после обедни, – но надеюсь, что мне еще нескоро придется потребовать от церкви ее богатства.

– Надеемся, сир! – вымолвили, словно эхо, духовные особы.

– Однако прекратим эти разговоры до совета. Где Мансар? Я хочу взглянуть на его проекты нового флигеля в Марли.

Король подошел к боковому столу и через мгновение углубился в свое любимое занятие: он с любопытством рассматривал грандиозные планы великого архитектора, осведомляясь о ходе постройки.

– Мне кажется, вашей милости удалось произвести некоторое впечатление на короля, – заметил Лашез, отведя Боссюэ в сторону.

– С вашей могущественной помощью, мой отец.

– О, можете быть уверены, я не упущу случая протолкнуть доброе дело.

– Если вы приметесь за него, этот вопрос можно считать решенным.

– Но есть одна особа, имеющая большее влияние, чем я.

– Фаворитка де Монтеспан?

– Нет, нет; ее время прошло. Это госпожа де Ментенон.

– Я слышал, что она набожна, так ли?

– Очень. Но она недолюбливает мой орден. Ментенон – сульпицианка. Однако не исключена возможность общего пути к одной цели. Вот если бы вы поговорили с ней, ваше преподобие.

– От всего сердца.

– Докажите ей, какое богоугодное дело она совершила бы, способствуя изгнанию гугенотов.

– Я докажу.

– А в вознаграждение мы с нашей стороны поможем ей... – Он наклонился и шепнул что-то на ухо прелату.

– Как? Он на это неспособен!

– Но почему же? Ведь королева умерла.

– Вдова поэта Скаррона и...

– Она благородного происхождения. Их деды были когда-то очень дружны.

– Это невозможно!

– Я знаю его сердце и говорю, что очень даже возможно.

– Конечно, уж если кто-нибудь знает его сокровенное, то это вы, мой отец. Но подобная мысль не приходила мне в голову.

– Ну так пусть заглянет теперь и застрянет там. Если она послужит церкви, церковь подействует ей... Но король делает мне знак, и я должен поспешить к нему.

Худая темная фигура поспешно проскользнула среди толпы придворных, а великий епископ из Мо продолжал стоять, опустив низко голову, погруженный в раздумье.

К этому времени весь двор собрался в главной приемной зале, и громадная комната наполнилась шелковыми, бархатными и парчовыми нарядами дам, блеском драгоценных камней, дрожанием разрисованных вееров, колыханием перьев и эгретов. Серые, черные и коричневые одежды мужчин смягчали яркость красок. Раз король в темном, то и все должны быть в одеждах такого же цвета, и только синие мундиры офицеров да светло-серые гвардейских мушкетеров напоминали первые годы царствования, когда мужчины соперничали с женщинами в роскоши и блеске туалетов. Но если изменились моды на платья, то еще более изменились манеры. Ветреное легкомыслие и былые страсти, конечно, не могли исчезнуть вовсе, но поветрие было на серьезные лица и умные беседы. Теперь в высшем свете шли разговоры не о выигрыше в ландскнехте, не о последней комедии Мольера или новой опере Люлли, а о зле яansenизма, об изгнании Арно из Сорбонны, о дерзости Паскаля, об относительных достоинствах двух популярных проповедников – Бардалу и Массильона. Так под причудливо разрисованным потолком, по раскрашенному полу, окруженные бессмертными произведениями художников, заключенными в дорогие золоченые рамы, двигались вельможи и пышные дамы, стараясь подделаться под маленькую темную фигуру, сияясь походить на того, кто сам настолько растерялся, что в настоящее время колебался в выборе между двумя женщинами, ведущими игру, в которой ставками было будущее Франции и его собственная судьба.

Глава V

Дети сатаны

Старый гугенот, получив отказ короля, еще несколько минут стоял в растерянности. Игра сомнения, печали и гнева сменялась на его челе. С виду это был очень высокий, худой человек с суровым, бледным лицом, с большим лбом, мясистым носом и могучим подбородком. Он не носил парика, не пользовался пудрой, но природа сама обсыпала серебром его густые кудри, а тысячи морщинок вокруг глаз и уголков рта придавали его лицу особо серьезное выражение. Но, несмотря на пожилые годы, вспышка гнева, заставившая этого человека вскочить с колен при отрицательном ответе короля на его просьбу, пронизывающий, сердитый взгляд, кинутый им на царедворцев, проходивших мимо него с насмешливыми улыбками, перешептываниями и шуточками, указывали на то, что в нем сохранились и сила, и дух молодости. Одет он был, согласно своему положению, просто, но хорошо: на нем был темно-коричневый кафтан из шерстяной материи, украшенный серебряными пуговицами, короткие брюки того же цвета, что и кафтан, белые шерстяные чулки, черные кожаные сапоги с широкими носами и большими стальными пряжками. В одной руке он держал низкую поярковую шляпу, отороченную золотым кантом, в другой – сверток бумаг, заключавших изложение его жалоб, которые он надеялся передать секретарю короля.

Но сомнения старого гугенота относительно того, как ему следует поступить дальше, разрешились весьма быстро. В то время на протестантов (хотя их пребывание во Франции и не было вполне запрещено) смотрели как на людей, едва терпимых в королевстве и потому не защищенных законами от соотечественников-католиков. В продолжение двадцати лет гонения на них все усиливались, и, за исключением разве что изгнания, не было средств, которыми не пользовались бы против них официальные ханжи. Гугенотам чинили препятствия во всех делах: им воспрещалось занимать какие-либо общественные должности, их дома отдавались под постройку для солдат, их жалобы в судах оставляли без рассмотрения, детей их поощряли к неповиновению. Всякий негодяй, желавший удовлетворить личную злобу или втереться в доверие своего ханжи-начальника, мог проделывать с любым гугенотом все, что ему вздумается, не страшась закона. Но, несмотря на чинимые притеснения, эти люди все же льнули к отталкивающей их стране, льнули, тая в глубине сердца горячую любовь к родной почве, предпочитая оскорбления и обиды здесь, на родине, любезному приему, который их ожидал за морем. Но на них уже надвигалась тень роковых дней, когда выбор, увы, не зависит от личных желаний.

Двое из королевских гвардейцев, рослые молодцы в синих мундирах, дежурившие в этой части дворца, были свидетелями безрезультатного ходатайства гугенота. Они подошли к нему и грубо прервали ход его мыслей.

– Ну, «молитвенник», – угрюмо проговорил один из них, – проваливай-ка отсюда!

– Нельзя считать тебя украшением королевского сада! – крикнул другой со страшной бранью. – Что за цаца, отворачивающая нос от религии короля, черт бы тебя побрал!

Старый гугенот, гневно и с глубоким презрением взглянув на стражу, повернулся, намереваясь уйти прочь, как вдруг один из гвардейцев ткнул его в бок концом алебарды.

– Вот тебе, собака! – воскликнул он. – Как ты смеешь смотреть так на королевского гвардейца!

– Дети Велиара, – в свою очередь выкрикнул старик, прижимая руку к боку, – будь я на двадцать лет помоложе, вы не посмели бы так обращаться со мной!

– А! Ты еще изрыгаешь яд, гадина? Довольно, Андре. Он пригрозил королевскому гвардейцу! Хватай его и тащи в караулку.

Солдаты, бросив ружья, кинулись на старика, но, несмотря на свою молодость и здоровье, им не так-то легко было с ним справиться. Сухая фигура гугенота с длинными мускулистыми

руками несколько раз вырывалась от насильников, и только когда старик начал уже задыхаться, солдатам удалось наконец скрутить ему руки. Но едва они одержали эту жалкую победу, как грозный оклик и сверкнувшая перед их глазами шпага заставили солдат освободить пленника.

Это был капитан де Катина. По окончании утренней службы он вышел на террасу и внезапно оказался свидетелем столь постыдной сцены. При виде старика он вздрогнул и, выхватив из ножен шпагу, бросился вперед так яростно, что гвардейцы не только бросили свою жертву, но один из них, пятась от угрожающего клинка, поскользнулся и упал, увлекая за собой товарища.

– Негодяи! – гремел де Катина. – Что это значит?

Гвардейцы, с трудом поднявшись на ноги, казалось, были смущены.

– Разрешите доложить, капитан, – проговорил один из них, отдавая честь, – это гугенот, оскорбивший королевскую гвардию.

– Король отклонил его просьбу, капитан, а он топчется на месте, – добавил другой.

Де Катина побледнел от бешенства.

– Итак, когда французские граждане приходят обращаться к властителю их страны, на них должны нападать такие швейцарские собаки, как вы? – закричал он. – Ну, погодите же.

Он вытащил из кармана маленький серебряный свисток, и на раздавшийся резкий призыв из караулки выбежал старый сержант с полудюжиной солдат.

– Ваша фамилия? – строго спросил капитан.

– Андре Менье.

– А ваша?

– Николай Клоппер.

– Сержант, арестовать Менье и Клоппера.

– Слушаюсь, капитан! – отчеканил сержант, смуглый поседевший солдат, участник походов Конде и Тюренна.

– Сегодня же отдать их под суд.

– На каком основании, капитан?

– По обвинению в нападении на престарелого почтенного гражданина, пришедшего с просьбой к королю.

– Он сам признался, что гугенот, – в один голос оправдывались обвиняемые.

– Гм... – Сержант нерешительно дергал свои длинные усы. – Прикажете так формулировать обвинение? Как угодно капитану...

Он слегка передернул плечами, словно сомневаясь, чтобы из этого вышло что-нибудь путное.

– Нет, – сообразил де Катина, которому вдруг пришла в голову счастливая мысль. – Я обвиняю их в том, что они, бросив алебарды во время пребывания на часах, явились предомной в грязных и растерзанных мундирах.

– Так будет лучше, – заметил сержант с вольностью старого служаки. – Гром и молния! Вы осрамили всю гвардию. Вот посидите часок на деревянной лошади с мушкетами, привязанными к каждой ноге, так твердо запомните, что алебарды должны быть у солдат в руках, а не валяться на королевской лужайке. Взять их! Слушай. Направо кругом. Марш!

И маленький отряд гвардейцев удалился в сопровождении сержанта.

Гугенот молча, с хмурым видом, стоял в стороне, ничем не выражая радости при неожиданном счастливом для него исходе дела; но когда солдаты ушли, он и молодой офицер быстро подошли друг к другу.

– Амори, я не надеялся видеть тебя.

– Как и я, дядя. Скажите, пожалуйста, что привело вас в Версаль?

– Содеянная надо мной несправедливость, Амори. Рука нечестивых тяготеет над нами, и к кому же обратиться за защитой, как не к королю?

Молодой офицер покачал головой.

– У короля доброе сердце, – проговорил де Катина. – Но он глядит на мир только через очки, надетые ему камарильей. Вам нечего рассчитывать на него.

– Он почти прогнал меня с глаз долой.

– Спросил ваше имя?

– Да, и я назвал.

Молодой гвардеец свистнул.

– Пройдемте к воротам, – промолвил он. – Ну, если мои родственники будут приходить сюда и заводить споры с королем, моя рота вскоре останется без капитана.

– Королю невдомек, что мы родственники. Но мне странно, племянник, как ты можешь жить в этом храме Ваала, не поклоняясь кумирам.

– Я храню веру в сердце.

Старик серьезно покачал головой.

– Ты идешь по весьма узкому пути, полному искушений и опасностей, – проговорил он. – Тяжко тебе, Амори, шествовать путем Господним, идя в то же время рука об руку с притеснителями его народа.

– Эх, дядя! – нетерпеливо воскликнул молодой человек. – Я солдат короля и предоставляю отцам церкви вести богословские споры. Сам же хочу только прожить честно и умереть, исполняя свой долг, а до остального что мне за дело?!

– И согласен жить во дворцах и есть на дорогой посуде, – с горечью заметил гугенот, – в то время, когда рука нечестивых тяготеет над твоими кровными, когда изливается чаша бедствия, когда гул воплей и стенаний царит по всей стране.

– Да что же случилось, наконец? – спросил молодой офицер, несколько сбитый с толку библейскими выражениями, бывшими в ходу между французскими протестантами.

– Двадцать человек моавитян расквартировано у меня в доме во главе с неким капитаном Дальбером, давно уже ставшим бичом Израиля.

– Капитан Клод Дальбер из Лангедокских драгун? У меня уже есть с ним кое-какие счета.

– Ага! И рассеянные овцы стада Господня также имеют нечто против этого лютого пса и горделивого нечестивца.

– Да что же он сделал?

– Его люди разместились в моем доме, словно моль в тюках сукна. Нигде нет свободного местечка. Сам же муж сей сидит в моей комнате, задравши ноги в сапожищах на стулья из испанской кожи, с трубкой во рту, с графином вина под рукой и изрекает, словно шипит, всякие мерзостные словеса. Он побил старика Пьера.

– А?!

– И столкнул в подвал меня.

– А?!

– Он в пьяном виде пытался обнять твою кузину Адель.

– О!!!

При каждом новом восклицании лицо молодого человека багровело все более и более. При последних же словах старика гнев вырвался наружу и де Катина с бешенством бросился вперед, таща дядю за руку. Они бежали по одной из извилистых дорожек, окруженных высокими живыми изгородями, из-за которых выглядывали мраморные фавны или нимфы. Придворные, попадавшие им навстречу, с удивлением смотрели на эту странную пару. Но молодой человек был слишком занят своими мыслями, чтобы обращать внимание на гуляющих. Не переставая бежать, они миновали серповидную дорожку, шедшую мимо дюжины каменных дельфинов, выбрасывающих изо рта струи воды на группу тритонов, затем аллею гигантских деревьев, глядя на которые можно было подумать, что им уже несколько веков, тогда как в действительности они только нынче были привезены с колоссальными трудностями из Сен-

Жермена и Фонтенбло. У калитки, выходящей на дорогу, старик остановился, задыхаясь от непрерывного бега.

– В чем вы приехали, дядя?

– В коляске.

– Где она?

– Вон там, за гостиницей.

– Ну, идем же туда скорее!

– Ты тоже едешь, Амори?

– Судя по вашим словам, мне пора появиться у вас. В вашем доме будет не лишним иметь человека со шпагой у пояса.

– Но что же ты собираешься делать?

– Переговорить с этим капитаном Дальбером.

– Значит, я обидел тебя, племянник, сказав, что твое сердце не вполне принадлежит Израилю.

– Какое мне дело до Израиля! – неторопливо крикнул де Катина. – Я знаю только, что вздумай кузина Адель поклоняться грому, словно абенокская женщина, или обратись она со своими невинными молитвами к Гитчи-Маниту, то и тогда хотел бы я видеть человека, осмелившегося дотронуться до нее! А вот подъезжает наша коляска. Гони во весь дух, кучер, и получишь пять ливров, если через час мы будем у заставы Инвалидов.

Мчаться быстро во времена безрессорных экипажей и высланных диким камнем дорог было непросто, но кучер нахлестывал косматых, неподстриженных лошадей, и коляска, подпрыгивая, громыхала по дороге. Придорожные деревья мелькали за застекленными дверцами коляски, а белая пыль клубилась следом. Капитан гвардии барабанил пальцами по коленям, нетерпеливо вертясь на сиденье и задавая по временам вопросы своему угрюмому спутнику.

– Когда все это произошло?

– Вчера вечером.

– А где теперь Адель?

– Дома.

– А этот Дальбер?

– О, он также там.

– Как? Вы рисковали оставить ее во власти этого человека, уехав в Версаль?

– Она заперлась на замок в своей комнате.

– Ах, что значит какой-то запор! – Молодой человек вне себя от бессильной злобы потряс кулаком в воздухе. – Пьер там?

– Он бесполезен.

– И Амос Грин?

– О, этот лучше. Он, видимо, настоящий мужчина. Его мать – француженка с острова Статень, близ Мангаттана. Она была одной из рассеянных овец стада, рано бежавших от волков, когда рука короля только начала тяготеть над Израилем. Амос прекрасно владеет французским языком, но не похож по виду на француза, и манеры у него совсем иные.

– Он выбрал неудачно время для посещения Франции.

– Может быть, здесь кроется непонятная для нас мудрость.

– И вы оставили его у вас в доме?

– Да, он сидел с Дальбером, курил и рассказывал ему странные истории.

– Каким он может быть защитником? Чужой человек в незнакомой стране. Вы дурно поступили, дядя, оставив Адель одну.

– Она в руках Божьих, Амори.

– Надеюсь. О, я горю от нетерпения поскорее быть там.

Он высунул голову, не обращая внимания на облако пыли, подымавшееся от колес, и, вытянув шею, стал смотреть вперед, на длинную, извилистую реку и широко раскинувшийся город, уже различимый в тонкой синеватой дымке, в которой ясно вырисовывались обе башни собора Богоматери, высокая игла Святого Иакова и целый лес других шпилей и колоколен – памятников восьми столетий набожности Парижа. Вскоре дорога свернула в сторону Сены, городская стена становилась все ближе и ближе, и наконец путешественники въехали в город через южные ворота, и коляска запрыгала с грохотом по каменной мостовой, оставив справа обширный Люксембургский дворец, а слева – последнее создание Кольбера, богадельню инвалидов. Сделав крутой поворот, экипаж очутился на набережной и, переехав Новый мост, мимо величественного Лувра, добрался до лабиринта узких, но богатых улиц, шедших к северу. Молодой человек все еще смотрел в окно, но панораму загораживала громадная золоченая карета, шумно и тяжело двигавшаяся перед коляской. Однако, когда улица стала пошире, карета свернула в сторону и офицер увидел дом, куда он так стремился.

Перед домом собралась огромная толпа народа.

Глава VI

Битва в доме

Дом гугенота-торговца представлял собой высокое узкое здание, стоявшее на углу улиц Святого Мартина и Бирона. Дом был четырехэтажный, такой же суровый и мрачный, как и его владелец. Верхний этаж был занят складом запасных товаров; ко второму и третьему были приделаны балконы с крепкими деревянными балюстрадами. Когда дядя с племянником выскочили из коляски, они очутились перед плотной толпой людей, очевидно, чем-то сильно возбужденных. Все смотрели вверх. Взглянув в том же направлении, молодой офицер увидел зрелище, лишившее его способности чувствовать что-либо другое, кроме величайшего изумления.

С верхнего балкона головой вниз висел человек в ярко-голубом кафтане и белых штанах королевских драгун. Шляпа и парик слетели, и стриженная голова медленно раскачивалась взад и вперед на высоте пятидесяти футов над мостовой. Лицо привешенного, обращенное к улице, было смертельно бледным, а глаза плотно зажмурены, как будто он не решался открыть их, боясь угрожавшей ему страшной участи. Зато голос его громко зывал о помощи.

В углу балкона находился молодой человек и, наклонившись над перилами, держал за ноги висевшего в воздухе драгуна. Юноша смотрел не на свою жертву, а, повернув голову, на толпу солдат, теснившихся у большого открытого окна, выходящего на балкон. В повороте его головы чувствовался гордый вызов, а солдаты нерешительно топтались на месте, не зная, броситься ли им вперед или уйти.

Внезапно толпа вскрикнула от неожиданности. Молодой человек отпустил одну ногу драгуна, продолжая держать его только за вторую, причем первая беспомощно болталась в воздухе. Жертва напрасно цеплялась руками за стену позади себя, продолжая вопить что есть мочи.

– Втащи меня обратно, чертов сын, втащи, – молил он. – Ты хочешь, что ли, убить меня? Помогите, добрые люди, спасите!

– Вам угодно, чтобы я втащил вас назад, капитан? – спросил державший его молодой человек ясным и сильным голосом, на прекрасном французском языке, но с акцентом, казавшимся странным толпе внизу.

– Да, черт возьми, да!

– Так отошлите ваших людей.

– Убирайтесь прочь, олухи, болваны. Вам хочется, чтобы я разбился о мостовую? Прочь! Убирайтесь вон, говорят вам.

– Так-то лучше! – проговорил молодой человек, когда солдаты исчезли. Он потянул драгуна за ногу и приподнял его так, что тот мог, обернувшись, ухватиться за нижний угол балкона. – Ну, как вы себя чувствуете? – полюбопытствовал молодой человек.

– Держите меня, ради бога, крепче.

– Я держу вас довольно крепко.

– Ну так втащите меня.

– Не надо торопиться, капитан. Вы отлично можете разговаривать и в таком положении.

– Втащите меня, месье, поскорее.

– Все в свое время. Боюсь, что вам не слишком удобно разговаривать, болтаясь в воздухе.

– Ах, вы хотите убить меня!

– Напротив, я собираюсь спасти вас.

– Да благословит вас Бог.

– Но только на известных условиях.

– О, авансом соглашаюсь на них. Ах! Я сейчас упаду!

– Вы оставите этот дом – вы и ваши люди – и не посмеете больше беспокоить ни старика, ни мадемуазель. Даете обещание?

– О, да, да, мы уйдем.

– Честное слово?

– Разумеется. Только втащите меня.

– Не так скоро. В этом положении легче разговаривать с вами. Я не знаю здешних законов. Может быть, подобные вещи во Франции воспрещены. Обещайте, что мне не будет неприятностей.

– Никаких. Только втащите меня.

– Очень хорошо. Ну-с, пожалуйста.

Он стал тянуть драгуна за ногу, а тот судорожно цеплялся за перила, пока под одобрительный гул толпы не перевалился наконец через балюстраду и не растянулся на балконе, где пролежал несколько минут неподвижно, как пласт. Затем, шатаясь, поднялся на ноги и, не взглянув на противника, с криком бешенства бросился в открытую дверь.

Пока наверху происходила эта маленькая драма, де Катина оправился от охватившего его оцепенения и принялся энергично проталкиваться сквозь толпу вместе со своим спутником, так что оба вскоре очутились у крыльца. Мундир королевского гвардейца уже сам по себе мог служить пропуском повсюду, а кроме того, и лицо старика Катина было хорошо известно во всем околотке, и все присутствующие расступались, чтобы дать им пройти в дом. Дверь распахнулась, и в темном коридоре вошедших встретил старый слуга, ломая руки.

– Ох, хозяин! Ох, хозяин! – кричал он. – Ох, какие дела! Какой позор! Они убьют его!

– Кого?

– Славного месье из Америки. О боже мой! Слышите?

Как раз в этот момент раздавшиеся наверху крики и возня внезапно закончились ужаснейшим грохотом, перемешанным с залпом энергичных ругательств. Офицер и гугенот стремглав бросились на второй этаж. Они уже были на лестнице, когда вдруг навстречу им вылетели большие часы недельного завода и, перескакивая через четыре ступени, миновав площадку, ударились о противоположную стену, после чего превратились в кучу металлических колес и деревянных обломков. Через мгновение на площадке второго этажа показался живой клубок из четырех человек и деревянных обломков. Борьба продолжалась: люди вскрикивали, падали, снова поднимались; они так переплелись между собой, что трудно было разобрать, кто где. Было только заметно, что среднее звено в этом клубке одето в одежду из черного фламандского сукна, а остальные три – в солдатскую форму. Человек, служивший объектом нападения, был так силен и крепок, что, лишь только ему удавалось встать на ноги, он начинал таскать за собой по площадке противников, словно дикий кабан повисших на нем собак. Выбежавший вслед за клубком дерущихся офицер протянул было руку, чтобы схватить штатского, но тотчас же с бранью отдернул ее прочь, так как последний сильно схватил его крепкими белыми зубами за большой палец левой руки. Прижимая к губам раненый палец, офицер выхватил шпагу и заколол бы своего безоружного противника, если бы де Катина, бросившись вперед, не схватил его за кисть руки.

– Вы подлец, Дальбер! – крикнул он.

Внезапное появление королевского лейб-гвардейца произвело магическое действие на дерущихся. Дальбер отскочил назад, не отнимая от губ пальца, и, опустив шпагу, мрачно смотрел на прибывшего. Его длинное желтое лицо исказилось от гнева, а маленькие черные глаза горели яростью и дьявольским огнем неудовлетворенной мести. Солдаты отпустили свою жертву и, запыхавшись, выстроились в ряд, а молодой человек прислонился к стене и, счищая пыль со своей черной одежды, попеременно смотрел то на своего спасителя, то на противников.

– У нас с вами давние счеты, Дальбер! – произнес де Катина, обнажая рапиру.

– Я здесь по приказу короля, – угрюмо ответил Дальбер.

– Без сомнения. Защищайтесь, сударь.

– Говорю вам, я здесь по долгу службы.

– Прекрасно. Скрещивайте шпагу.

– Я не ссорился с вами.

– Нет? – Де Катина шагнул вперед и дал ему пощечину. – Мне кажется, у вас есть теперь повод к дуэли, – проговорил он.

– Черти! – заорал капитан. – К оружию, ребята! Эй, вы там наверху! Уберите этого молодца и схватите пленника. Именем короля.

На его зов прибежала дюжина солдат, а трое бывших на площадке снова бросились на своего недавнего противника. Тот увернулся, выхватив из рук старого купца толстую палку.

– Я с вами, сударь! – проговорил он, становясь рядом с гвардейским офицером.

– Уберите вашу челядь и бейтесь со мной, как подобает дворянину! – крикнул де Катина.

– Дворянин?! Послушайте только этого мещанина-гугенота, семья которого торгует сукном! Ха-ха-ха!

– Ах ты, трус! Я шпагой напишу на твоей роже, что ты лжец.

Де Катина кинулся вперед и нанес удар, который попал бы прямо в сердце Дальберу, не упав тяжелой сабля одного из драгун на его более тонкое оружие и не переруби клинок у самой рукоятки. С криком торжества его враг бешено ринулся к нему, заноса рапиру, но сильный удар палки молодого иностранца заставил его выпустить оружие, которое звеня упало на пол. Один из стоявших на лестнице солдат выхватил пистолет и прицелился в голову де Катина. Выстрел положил бы конец схватке, но в этот момент какой-то низенький старичок, спокойно вошедший с улицы, видимо, заинтересованный разыгравшейся перед ним сценой и с улыбкой смотревший на всех, внезапно сделал шаг вперед, приказывая бойцам опустить оружие столь твердым и властным голосом, что все шпаги сразу ударились в пол, словно на учении.

– Ну, месье! Ну, месье! – строго проговорил старичок, смотря на каждого по очереди.

Это был очень маленький, подвижный человек, худой как сельдь, с выдающимися вперед зубами и громадным париком, длинные локоны которого скрадывали очертание его морщинистой шеи и узких плеч. Одет он был в длиннополый кафтан из бархата мышинного цвета, отделанный золотом; высокие кожаные сапоги и маленькая треуголка с золотым кантом придавали ему несколько воинственный вид. Его осанка и манеры отличались изяществом; высоко поднятая голова, острый взгляд черных глаз, тонкие черты лица, самоуверенность, сквозившая в каждом его движении, – все это указывало на человека, привыкшего повелевать. И действительно, во Франции, так же как и за ее пределами, мало было людей, которым наравне с королем не было известно имя этого маленького человечка, стоявшего на площадке гугенотского дома с золотой табакеркой в одной руке и с кружевным платком в другой. Кто мог не знать последнего из тех великих вельмож, храбрейшего из французских полководцев, всеми любимого Конде, победителя при Рокруа и героя Фронды? При виде его худого желтого лица драгуны и их начальник вытянули руки по швам, а де Катина поднял обломок своей рапиры, отдавая честь.

– Э, э! – вскрикнул старый воин, взглядываясь в него. – Вы были со мной на Рейне... э? Я помню ваше лицо, капитан. А ваши родные были с Тюренном.

– Я был в Пикардийском полку, ваша светлость. Моя фамилия де Катина!

– Да, да. А кто вы, сударь, черт вас побери?

– Капитан Дальбер, ваша светлость, из Лангедокских синих драгун.

– Э! Я проезжал мимо в карете и видел, как вы висели вверх ногами. Молодой человек втащил вас, по-видимому, с условием...

– Он поклялся, что уйдет из дома! – крикнул иностранец. – Но когда я поднял его, то негодяй напустил на меня своих людей, и мы все вместе скатились с лестницы.

– Клянусь честью, вы немало оставили следов, – произнес Конде, улыбаясь и смотря на обломки, разбросанные по полу. – Так вы нарушили данное вами слово, капитан Дальбер?

– Я не мог заключать условий с гугенотом и врагом короля, – угрюмо отрапортовал драгун.

– По-видимому, вы все же смогли заключить условия, но не хотите выполнить их. А почему же вы, сударь, отпустили его, когда перевес был на вашей стороне?

– Я поверил его обещанию.

– Должно быть, вы доверчивы по природе.

– Я привык иметь дело с индейцами.

– Э! И вы думаете, что слово индейца вернее слова королевского драгуна?

– Я не думал этого час тому назад.

– Гм!

Конде взял большую понюшку табаку, втянул, а затем смахнул кружевным платком пылинки, упавшие на его бархатный кафтан.

– Вы очень сильны, милостивый государь, – проговорил он, внимательно глядя на широкие плечи и высокую грудь молодого иностранца. – Вы, полагаю, из Канады?

– Я был там, но сам я из Нью-Йорка.

Конде покачал головой.

– Это остров? – спросил он.

– Нет, месье, город.

– В какой провинции?

– В Нью-Йоркской.

– Значит, главный город?

– Нет, главный город – Олбани.

– А почему вы говорите по-французски?

– Моя мать – француженка по происхождению.

– Давно ли вы в Париже?

– Сутки.

– Э! И уже начали вывешивать с балконов соотечественников вашей матери.

– Он приставал к одной девушке, месье. Я попросил его прекратить это, тогда он обнажил шпагу и убил бы меня, не схватись я с ним. Он крикнул на помощь своих людей. Чтобы держать их на почтительном расстоянии, я поклялся, что спущу капитана вниз головой, если солдаты сделают хоть шаг вперед. А когда я отпустил его, они опять набросились на меня, и не знаю, чем бы закончилось дело, если б вот этот месье не вступился за меня.

– Гм! Вы поступили превосходно. Вы молоды, но находчивы.

– Я вырос в лесу.

– Если там много таких, как вы, то моему приятелю де Фронтенаку будет немало хлопот, прежде чем ему удастся основать ту империю, о которой он мечтает. Но что все это значит, капитан Дальбер? Чем вы можете оправдаться?

– Королевским приказанием, ваша светлость.

– Э?! Разве он дал вам право оскорбить девушку? Не слыхивал, чтоб его величество бывал слишком жесток с женщинами, – произнес Конде с сухим, отрывистым смехом, вновь беря понюшку табаку.

– Ваша светлость, приказано применять все меры, чтобы заставить этих людей войти в лоно истинной церкви.

– Честное слово, вы страшно похожи на апостола и борца за святую веру! – воскликнул Конде, насмешливо глядя своими блестящими черными глазами на грубое лицо драгуна. – Уведите отсюда своих людей, капитан, и чтобы ноги вашей не было здесь.

– Но приказание короля, ваша светлость...

– Когда я увижу короля, то сообщу ему, что вместо солдат я нашел здесь разбойников. Ни слова, сударь. Вон! Позор ваш вы берете с собой, а честь останется здесь.

В одно мгновение из насмешливого, жеманного старого щеголя он превратился в сурового воина с неподвижным лицом и огненным взглядом. Дальбер отступил перед его мрачным взором и пробормотал команду. Солдаты, топая ногами и гремя саблями, вереницей начали спускаться по лестнице.

– Ваша светлость, – вымолвил старый гугенот, выступая вперед и распахивая одну из дверей, выходивших на площадку. – Вы действительно явились спасителем Израиля и камнем преткновения для дерзновенных. Не удостоите ли чести отдохнуть под моей кровлей и отведать кубок вина, прежде чем идти дальше?

Конде поднял свои густые брови, слушая библейские выражения купца, но с вежливым поклоном принял приглашение. Войдя в комнату, он с удивлением и восхищением оглядел ее роскошное убранство. Действительно, комната с отделкой из темного блестящего дуба, полированным полом, величественным мраморным камином и прекрасной лепной работой на потолке могла бы служить украшением любого дворца.

– Моя карета ждет внизу, и мне нельзя дольше медлить, – сказал он. – Я нечасто покидаю мой замок в Шанраньи для Парижа, и только счастливая случайность дала мне сегодня возможность быть полезным почтенным людям. Когда у дома видишь вывеску в виде драгуна, то трудно проехать мимо, не осведомившись о причине. Но боюсь, сударь, что, пока вы остаетесь гугенотом, вам не будет покоя во Франции.

– Действительно, закон слишком жесток к нам.

– И будет еще более жестоким, если правда то, что я слышал при дворе. Удивляюсь, почему вы не покинете Францию.

– Мои дела и мой долг удерживают здесь.

– Ну, конечно, каждый знает, что для него лучше. А не целесообразнее ли склониться перед грозой?

Гугенот сделал жест ужаса.

– Ну, ну, я ведь не хотел предложить ничего обидного. А где же прекрасная мадемуазель, причина всей этой истории?

– Где Адель, Пьер? – спросил купец старого слугу, внесшего на серебряном подносе плоскую бутылку и цветные венецианские бокалы.

– Я запер ее в своей комнате, хозяин.

– Где она теперь?

– Я здесь, отец.

Молодая девушка вбежала в комнату и бросилась отцу на шею.

– О, я надеюсь, что эти злые люди не обидели вас, милый папа.

– Нет, нет, дорогое дитя; мы все невредимы благодаря его светлости принцу Конде.

Адель подняла глаза и тотчас опустила их перед пронизательным взглядом старого воина.

– Да наградит вас Бог, ваша светлость! – пробормотала она. Ее прелестное лицо зарделось от смущения. Нежный, изящный овал, большие серые глаза, волна блестящих волос, оттенявших своим темным цветом маленькие, похожие на раковины ушки, и алебастровая белизна шеи – все это привело в восторг Конде, который за шестьдесят лет перевидал всех красавиц при дворах трех королей. Он с восхищением смотрел на маленькую гугенотку.

– Э, право, мадемуазель, вы заставляете меня желать скинуть с плеч лет этак сорок.

Он поклонился и вздохнул, как это было в моде во времена Бекингема, явившегося покоить сердце Анны Австрийской.

– Франции было бы тяжело потерять эти сорок лет, ваша светлость.

– Э, э! К тому же и острый язычок? Да ваша дочь, сударь, выделилась бы своим умом и при дворе.

– Боже сохрани, ваша светлость. Она так невинна и скромна.

– Ну, это плохой комплимент двору. Наверно, мадемуазель, вам хотелось бы выезжать в большой свет, слушать приятную музыку, видеть все прекрасное и носить драгоценности, а не смотреть вечно на улицу Святого Мартина и сидеть в этом большом мрачном доме, пока не увянут розы на ваших щечках?

– Где папа, там хорошо и мне, – ответила молодая девушка, кладя обе руки на руку отца. – Я не желаю ничего более того, что имею.

– А я думаю, что тебе лучше всего уйти к себе в комнату, – строго заметил старый купец: он знал худую репутацию, установившуюся за принцем относительно женщин, несмотря на столь почтенный возраст.

Конде приблизился к молодой девушке и даже положил свою желтую руку на ее руку. Адель поспешно отпрянула назад. Маленькие черные глаза принца вспыхнули нехорошим огоньком.

– Ну, ну! – проговорил он, когда Адель, исполняя приказание отца, поспешно направилась к двери. – Вам решительно нечего опасаться за свою голубку. По крайней мере, этот ястреб не может принести никакого вреда, как бы заманчива ни была добыча. Но я, действительно, вижу, что она так же хороша душой, как и наружностью, а больше этого нельзя даже сказать и про ангела. Карета ожидает меня, месье. Доброго утра всем вам.

Он наклонил голову в громадном парике и засеменил к выходу своей изысканной, щеголеватой походкой. Из окна де Катина увидел, как принц садится в тот самый раззолоченный экипаж, который задержал их во время спешного возвращения из Версаля.

– По чести, – вымолвил он, обращаясь к молодому американцу, – конечно, мы многим обязаны принцу, но еще более вам. Вы рисковали жизнью ради моей кузины, и, если бы не ваша палка, Дальбер проткнул бы меня насквозь, воспользовавшись одержанным им успехом. Вашу руку, сударь. Подобного рода вещи не забываются.

– Да, его стоит поблагодарить, Амори! – присоединился старый гугенот, возвратившись после проводов до кареты знаменитого гостя. – Он был воздвигнут как защитник угнетенных и помощник находящимся в нужде. Да будет над тобой благословение старца, Амос Грин. Родной сын не мог бы сделать для меня больше, чем сделал ты – чужой.

Молодой гость казался более смущенным такими выражениями благодарности, чем всеми предыдущими событиями. Кровь бросилась к его загорелому, тонко очерченному лицу, гладкому, как у ребенка, но с твердо обведенными губами и пронизательным взглядом голубых глаз, говоривших о недюжинной силе воли.

– У меня за морем есть мать и две сестры, – застенчиво проговорил он.

– И ради них вы почитаете женщин?

– Мы все там уважаем их. Может быть, потому, что женщин так мало. Здесь, в Старом Свете, вы не знаете, каково обходиться без них. Мне постоянно приходилось бродить вдоль озер за мехами, жить месяцами среди дикарей в вигвамах краснокожих, видеть их грязную жизнь, слушать их скверные речи, когда они на корточках, по-жабы, сидят вокруг костров. Когда потом я возвращался в Олбани к родным и слушал, как сестры играют на клавикордах и поют, а мать рассказывает о Франции былых времен, о своем детстве и обо всем, выстрадавшем за правду, тогда я вполне осознал, что значит добрая женщина и как она, подобно солнцу, вызывает наружу все лучшее и благородное в нашей душе.

– Право, дамы должны быть очень благодарны вам, сударь, вы так же красноречивы, как храбры, – проговорила Адель Катина, стоя на пороге отворенной двери и слушая его последние слова.

Молодой человек на минуту забылся, высказываясь решительно и без стеснения. Но при виде молодой девушки он снова покраснел и опустил глаза.

– Большую часть жизни я провел в лесах, – продолжал он, – а там приходится так мало говорить, что можно и совсем разучиться. Вот потому-то отец и решил предоставить мне возможность пожить какое-то время во Франции. Он хочет научить меня кое-чему и другому, помимо охоты и торговли.

– И как долго вы намерены оставаться в Париже? – спросил гвардеец.

– Пока за мной не приедет Эфраим Савэдж.

– А это кто?

– Капитан «Золотого Жезла».

– Это ваш корабль?

– Да, моего отца. Судно было в Бристоле, теперь находится в Руане, а затем снова поплывет в Бристоль. Когда оно вернется оттуда, Эфраим приедет за мной в Париж и увезет меня.

– А как вам нравится Париж?

Молодой человек улыбнулся.

– Мне говорили еще раньше, что это очень оживленный город, и, судя по тому немногому, что мне пришлось видеть сегодня утром, я убедился в справедливости этого мнения.

– И действительно, – согласился де Катина, – вы чрезвычайно живо спустились с лестницы вчетвером; впереди вас, словно курьер, летели голландские часы, а сзади – целая груда обломков. А города вы ведь так и не видели?

– Только вчера, проездом, отыскивая этот дом. Поразительный город, но мне здесь не хватает воздуха. Вот Нью-Йорк – тоже большой город, но какая разница! Говорят, там целых три тысячи жителей и что будто бы они в состоянии выставить четыреста бойцов, только этому трудно поверить. Но там отовсюду можно видеть творение Божье – деревья, зеленую траву, блеск солнца на заливе. А здесь только камень да дерево, дерево да камень. Право, вы должны быть очень крепкого сложения, если можете чувствовать себя здоровыми в таком месте.

– А нам кажется, что крепки-то должны быть вы, живущие в лесах и по рекам, – возразила молодая девушка. – Удивительно, как это вы можете находить дорогу в такой пустыне?

– Ну вот. А я удивляюсь, как вы не рискуете заблудиться среди тысяч домов. Я надеюсь, сегодня будет ясная ночь.

– Зачем это вам?

– Тогда можно увидеть звезды.

– Ведь вы не найдете в них никакой перемены.

– Этого только и нужно. Если я увижу звезды, то буду знать, по какому направлению можно попасть в этот дом. Днем-то я могу взять нож и делать мимоходом зарубки на дверях, а то трудно будет найти свой след обратно; тут проходит столько народа...

Де Катина расхохотался.

– Ну, знаете. Париж покажется вам еще оживленнее, если вы будете отмечать свой путь зарубками на дверях, словно на деревьях в лесу. Но, может быть, на первых порах вам лучше иметь провожатого. Если у вас, дядя, в конюшне найдется пара свободных лошадей, то я смогу взять нашего друга в Версаль, где я принужден дежурить несколько дней. Там он сможет увидеть гораздо больше интересного, чем на улице Святого Мартина. Что вы на это скажете, месье Грин?

– Буду очень рад поехать с вами, если, конечно, здесь не грозит более никакая опасность.

– О, на этот счет не беспокойтесь, – сказал гугенот, – распоряжение принца Конде будет щитом и покровом на многие дни. Я велю Пьеру оседлать вам лошадей.

– А я воспользуюсь тем наличием времени, оставшимся в моем распоряжении, – произнес гвардеец, подходя к окну, где ожидала его Адель.

Глава VII

Новый и старый свет

Молодой американец был вскоре готов отправиться в путь, но де Катина медлил до последней секунды. Когда наконец он отошел от любимой девушки, то окинул критическим взглядом темную одежду спутника.

– Где вы покупали это платье? – спросил он.

– В Нью-Йорке, перед отъездом.

– Гм! Сукно недурное, темный цвет в моде, но покрой необычен для наших глаз.

– Я знаю только, что мне было бы куда удобнее в моей охотничьей куртке и штиблетах.

– А шляпа... У нас здесь не носят таких плоских полей. Посмотрим, нельзя ли изменить фасон.

Де Катина взял шляпу и, загнув один край, прикрепил его к тулье золотой булавкой, вынутой из собственной манишки.

– Ну, теперь она приняла совершенно военный вид и подошла бы любому из королевских мушкетеров, – смеясь, проговорил он. – Штаны из черного сукна и шелка ничего себе, но отчего у вас нет шпаги?

– Я беру с собой ружье, когда уезжаю из дома.

– Мон Dieu, да вас схватят, как бандита.

– У меня имеется и нож.

– Еще того хуже. Видно, придется обойтись без шпаги и, пожалуй, без ружья. Позвольте мне перевязать вам галстук, вот так. Ну а теперь, если у вас есть намерение проскакать десять миль, то я к вашим услугам.

Надо сказать, что молодые люди, отправившиеся вместе верхом по узким и многолюдным улицам Парижа, представляли собой странный контраст. Де Катина, старше лет на пять, с тонкими и мелкими чертами лица, остро закрученными усами, небольшого роста, но стройный и изящный, в безупречном костюме, казался олицетворением нации, к которой принадлежал.

Его спутник, напротив, был высокого роста, мощного телосложения, он то и дело поворачивал свое смелое и в то же время задумчивое лицо, с живостью наблюдая окружающую его странную и новую жизнь. Всем своим видом он, казалось, представлял собой тип той новой, нарождающейся нации, которая имела все задатки впоследствии стать более сильной из этих двух. Коротко стриженные соломенные волосы, голубые глаза и грузное тело указывали на то, что в жилах его текло больше отцовской крови, чем материнской. Даже темная одежда с поясом без шпаги если и не ласкала глаз, то говорила о принадлежности ее владельца к той удивительной породе людей, упорнейшие битвы и блестящие победы которых подчиняли себе природу как на морях, так и на обширнейших пространствах суши.

– Что это за большое здание? – спросил он, когда всадники выехали на площадь.

– Это – Лувр, один из дворцов короля.

– И он там?

– Нет, король живет в Версале.

– Как? Подумать только, у одного человека два таких дома.

– Два? О, гораздо больше – и в Сен-Жермене, и Марли, и Фонтенбло, и Колоньи.

– Зачем же ему столько? Ведь человек может жить сразу только в одном доме.

– Да, но он зато может поехать в тот или другой, как ему вздумается.

– Это восхитительное здание. В Монреале я видел семинарию Святого Сульпиция и считал, что красивее этого дома ничего и быть не может на свете. Но что тот в сравнении с этим!

– Как, вы бывали в Монреале? Значит, вы видели крепость?

– Да, и госпиталь, и ряд деревянных домов, и большую мельницу, окруженную стеной с востока. Но вы-то разве знаете Монреаль?

– Я служил в тамошнем полку; побывал и в Квебеке. Да, друг мой, и в Париже найдутся люди, которые жили в лесах. Даю вам слово, что почти полгода я носил мокасины, кожаную куртку и меховую шапку с орлиным пером и ничего не имею против надеть их снова.

Глаза Амоса Грина засветились восторгом, когда он узнал, как много общего между ним и его спутником. Он стал осыпать капитана вопросами, пока новые друзья не переехали наконец через реку и не достигли юго-западных ворот города. Вдоль рва и стены тянулись длинные ряды солдат, занятых учением.

– Кто эти люди? – спросил Грин, с любопытством смотря на них.

– Это солдаты короля.

– А зачем их так много? Разве ожидают неприятеля?

– Нет, мы со всеми в мире.

– В мире? Так к чему же они собраны?

– Чтобы быть готовыми к войне.

Молодой человек с изумлением покачал головой.

– Да ведь они могли бы подготовиться и дома. В нашей стране у каждого в углу, у камина, стоит наготове мушкет, мы не тратим бесполезно время в мирную пору.

– Наш король очень могуществен и имеет немало врагов.

– А кто же нажил их?

– Ну, разумеется, он же – монарх.

– Так не лучше ли вам было обойтись без него?

Гвардеец в отчаянии пожал плечами.

– Так мы с вами попадем в Бастилию или в Венсенскую тюрьму, – предостерег он. – Знайте, что король приобрел этих врагов, тщась о благополучии своего государства. Всего пять лет тому назад он подписал мир в Нимвегене, по которому отнял шестнадцать крепостей у испанских Нидерландов. Потом он наложил руку на Страсбург и Люксембург и наказал генуэзцев, так что нашлось бы много охотников напасть на Францию, окажись она чуточку послабее.

– А почему он сделал все это?

– Из-за своего величия и ради славы Франции.

Чужестранец некоторое время обдумывал эти слова, пока путешественники ехали меж высоких, тонких тополей, бросавших тень на залитую солнцем дорогу.

– Жил некогда в Шенектеди один великий человек, – наконец проговорил он. – Люди там простые и доверчиво относятся друг к другу. Но после того, как между ними появился этот субъект, у них вдруг стали пропадать вещи: у одного – бобровая шкура, у другого – мешок жинсенга, у третьего – кожаный пояс. Наконец, у старого Пета Хендрикса исчез трехгодовалый бурый жеребец. Тогда начали повсюду разыскивать пропажу и нашли все в хлеву нового переселенца. Вот мы – я и еще несколько других – взяли да и повесили его на дереве, не раздумывая о том, что он человек великий.

Де Катина бросил на своего спутника гневный взгляд.

– Ваша притча не очень-то вежлива, мой друг! – проговорил он. – Если желаете мирно путешествовать со мной, то попридержите несколько ваш язык.

– Я не хотел оскорбить вас, – ответил американец, – может быть, я и ошибаюсь, но я говорю то, что мне кажется правильным, а это право свободного человека.

Лицо де Катина прояснилось при виде серьезного взгляда устремленных на него голубых глаз.

– Боже мой, – произнес он. – Во что превратился бы двор, если бы каждый говорил все, что он думает... Но, господи помилуй, что такое случилось?

Его спутник вдруг спрыгнул с лошади и, наклонившись над землей, стал пристально разглядывать дорожную пыль. Потом быстрыми неслышными шагами он зигзагами прошел по дороге, перебежал заросшую травой насыпь и остановился у отверстия в изгороди. Ноздри у него раздувались, глаза горели, лицо пылало от волнения.

– Парень сошел с ума, – пробормотал де Катина, подхватывая поводья брошенной лошади. – Вид Парижа подействовал на его умственные способности. Что с вами, черт возьми, на что вы так таращите глаза?

– Тут прошел олень, – прошептал Грин, указывая на траву. – Его след идет отсюда в лес. Это, должно быть, случилось недавно, следы ясные, очевидно, он шел не торопясь. Будь с нами ружье, мы могли бы проследить оленя и привезти старику хорошей дичи.

– Ради бога, садитесь на лошадь! – в отчаянии крикнул де Катина. – Боюсь, не миновать нам беды, прежде чем я привезу вас обратно на улицу Святого Мартина.

– Чем же я опять провинился? – спросил Амос Грин.

– Как же, ведь это заповедные королевские леса, а вы так хладнокровно собираетесь убивать оленей его величества, как будто находитесь на берегах Мичигана.

– Заповедные леса! Так эти олени ручные.

Выражение отвращения появилось на лице американца, и, прищипнув лошадь, он помчался так быстро, что де Катина после бесполезных попыток догнать его крикнул наконец, чтобы тот остановился.

– У нас не в обычае такая бешеная езда, – задыхаясь проговорил он.

– Странная ваша страна, – в недоумении ответил чужестранец. – Может быть, мне будет легче запомнить, что позволено. Сегодня утром я взял ружье, чтобы выстрелить в пролетавшего над крышами голубя, а старый Пьер схватил меня за руку с таким лицом, словно я целился в священника. Старику же, например, не позволяют даже читать молитв.

Де Катина расхохотался.

– Вы скоро ознакомитесь с нашими обычаями, – сказал он. – Здесь страна населенная, и если бы всякий стал скакать и стрелять, как ему вздумается, то много натворил бы бед. Но поговорим лучше о вашей земле. Вы рассказывали, что подолгу жили в лесах.

– Да, мне исполнилось только десять лет, когда я впервые отправился с дядей в Со-ла-Мари, где сливаются три больших озера. Мы торговали там с западными племенами.

– Не знаю, что сказали бы на это Лассаль и де Фронтенак. Ведь право торговли в этих местах принадлежит Франции.

– Нас забрали в плен, и вот тогда мне пришлось повидать Монреаль, а потом Квебек. В конце концов нас отослали назад, так как не знали, что с нами делать.

– Право, отличная поездка для начала.

– И с тех пор я все время вел торговлю – сперва у Кеннебека с абенаками, потом в больших Мэнских лесах, и с микмаками-рыболовами за Пенобекотли. Позже с ирокезами и до страны сенеков на Западе. В Олбани и Шенектеди у нас были склады мехов, партии которых отец отправлял из Нью-Йорка.

– Однако трудно ему будет без вас!

– Очень. Но так как он богат, то и надумал, что мне пора подучиться тому, чего не узнаешь в лесах. И вот он послал меня на «Золотом Жезле» под присмотром Эфраима Савэджа.

– Он также из Нью-Йорка?

– Нет, он первый человек, родившийся в Бостоне.

– Я никак не могу запомнить названий всех этих деревень.

– Может быть, скоро придет время, когда их имена будут известны не менее Парижа, – задумчиво произнес Амос Грин.

Де Катина расхохотался от всего сердца.

– Леса наделили вас многим, но только не даром пророчества, мой друг! – сказал он. – Хотя мое сердце, как и ваше, часто стремится за океан и я ничего не желал бы более, как снова увидеть палисады Пуан-Леви, даже если за ними свирепствовали бы целых пять индейских племен. А теперь всмотритесь-ка между деревьями – видите новый дворец короля?

Молодые люди сдержали лошадей и взглянули на громадное, ослепительной белизны здание, на красивые сады с фонтанами и статуями, изгородями и дорожками. Де Катина было забавно наблюдать, как удивление и восторг попеременно сменялись на лице его спутника.

– Ну что вы скажете? – наконец спросил он.

– Я думаю, что лучшее творение Бога – в Америке, а человека – в Европе.

– Да, во всей Европе нет второго подобного дворца, как нет также и такого короля, как тот, что живет в нем.

– Как вы думаете, могу я повидать его?

– Кого, короля? Нет, нет; боюсь, что вы не годитесь для двора.

– Почему? Я оказал бы королю всяческий почет.

– Например? Ну как бы вы с ним поздоровались?

– Я почтительно пожал бы ему руку и осведомился бы о здоровье его самого и его семьи.

– Допускаю, что такое приветствие понравилось бы ему более всяких коленопреклонений и церемонных поклонов, но в то же время полагаю, мой милый сын лесов, что лучше вас не заводить по таким тропинкам, где вы могли бы заблудиться так же, как заблудились бы здешние придворные, если бы их завели в ущелье Сэгвэней. Но что это такое? Как будто придворная карета.

Сквозь белое облако пыли, несшейся по дороге, можно было разглядеть золоченую карету и красный кафтан кучера. Всадники свернули в сторону, и экипаж, запряженный серыми в яблоках лошадьми, прогромычал мимо. Молодые люди мельком увидели прекрасное, но гордое лицо женщины, однако через мгновение раздался громкий окрик, кучер остановил лошадей, и из окна мелькнула белая ручка.

– Это госпожа де Монтеспан, самая гордая женщина во Франции, – шепнул де Катина. – Она желает говорить с нами. Повторяйте то же, что буду делать я.

Он пришпорил коня, подъехал к карете и, сняв шляпу, отвесил низкий поклон. Его спутник проделал то же самое, хотя довольно неловко.

– А, капитан! – сказала дама. Выражение лица ее было не особенно любезным. – Мы опять встретились с вами.

– Судьба благоприятствует мне, мадам.

– Только не сегодня утром.

– Совершенно верно. Мне пришлось выполнить крайне неприятную обязанность.

– И вы выполнили ее крайне оскорбительным образом.

– Но как же я мог поступить иначе, мадам?

Дама насмешливо улыбнулась, и выражение горечи мелькнуло на ее прекрасном лице.

– Вы подумали, что я не имею больше никакого значения для короля. Вы подумали, что мое время прошло. Разумеется, вы рассчитывали войти в милость новой, нанеся первым оскорбление старой.

– Но, мадам...

– Избавьте меня от возражений. Я сужу по поступкам, а не по словам. Вы что же думали, что мои чары исчезли, что красота моя поблекла?

– Нет, мадам, я был слеп, если бы мог подумать что-либо подобное.

– Слеп, как сова в полдень, – выразительно вставил Амос Грин.

Госпожа де Монтеспан, приподняв брови, взглянула на своего странного поклонника.

– Ваш друг, по крайней мере, говорит то, что действительно чувствует, – произнесла она. – Сегодня в четыре часа мы увидим, разделяют ли другие его мнение, и если они разделяют, то горе тем, кто ошибся и принял мимолетную тень за темное облако.

Она наградила молодого гвардейца злым взглядом, и карета тронулась дальше.

– Едемте! – резко крикнул де Катина своему спутнику, который, разинув рот, смотрел вслед карете. – Вы что, никогда не видели женщины?

– Такой, как эта, никогда.

– Могу поклясться, что другой с таким злым языком действительно не встретить.

– И с таким красивым лицом. Впрочем, и на улице Святого Мартина есть прелестное личико.

– Однако у вас недурной вкус. Хотя вы и выросли в лесах.

– Да. Но я так часто бывал лишен женского общества, что теперь, когда стою перед какой-нибудь женщиной, она мне кажется нежным, милым, святым существом.

– Ну, друг мой, при дворе вы можете найти и нежных, и милых, но святых вам долго придется искать. Например, эта женщина способна на все, лишь бы погубить меня, и только потому, что я честно исполнял свой долг. При дворе, как на быстрой реке, надо постоянно лавировать меж порогов, чтобы не разбиться о них. А порогами здесь являются женщины. Ну вот теперь на сцену явилась другая, чтобы привлечь меня на свою сторону, и, пожалуй, здесь будет вернее.

Они проехали через дворцовые ворота, и перед ними открылась аллея, вся загроможденная экипажами и всадниками. По песчаным дорожкам разгуливала масса нарядных дам. Они расхаживали меж цветочных клумб или любовались фонтанами с высоко взлетающими вверх струями. Одна из дам, смотревшая все время в сторону ворот, быстро пошла навстречу де Катина. Это была мадемуазель Нанон, субретка госпожи де Ментенон.

– Как я рада видеть вас, капитан! – крикнула она. – Я так ждала вас. Мадам хотела бы вас повидать. Король придет к ней в три часа, и потому в нашем распоряжении лишь двадцать минут. Я слышала, что вы уехали в Париж, и решила поджидать вас здесь. Мадам хочет о чем-то спросить вас.

– Я сейчас приду. А, де Бриссак, вот удачная встреча!

Мимо проходил высокий, дородный офицер в такой же форме, какую носил де Катина. Он обернулся и, улыбаясь, подошел к товарищу.

– О, Амори, вы, должно быть, проделали немалый путь, судя по вашему запыленному мундиру.

– Мы только что из Парижа. Но меня зовут по срочному делу. Позвольте оставить на ваше попечение моего друга. Господин Амос Грин. Он приехал из Америки и остановился у меня. Покажите ему, пожалуйста, все, что можете. И еще. Присмотрите за лошастью, де Бриссак. Отдайте ее конюху.

Де Катина бросил поводья товарищу, соскочил с лошади и, пожав руку Амосу Грину, поспешно последовал за молодой девушкой.

Глава VIII

Восходящая звезда

Комнаты, где жила женщина, занявшая столь важное положение при французском дворе, были столь же скромны, как и ее судьба в тот момент, когда она впервые вошла сюда. С редким тактом и сдержанностью, составлявшими выдающиеся черты ее замечательного характера, она не изменила своего образа жизни, несмотря на все возраставшее благосостояние, избегая вызывать зависть или ревность какими бы то ни было проявлениями великолепия или власти. В боковом флигеле дворца, далеко от центральных зал, куда надо было проходить длинными коридорами и лестницами, находились те две или три комнатки, на которые были устремлены взоры сначала двора, потом Франции и, наконец, всего света. Именно там поселилась небогатая вдова поэта Скаррона, когда госпожа де Монтеспан пригласила ее в качестве гувернантки королевских детей, здесь же продолжала жить и теперь, когда по королевской милости к ее девичьему имени д'Обиньи вместе с пенсией и имением прибавился титул маркизы де Ментенон. Тут король проводил ежедневно по несколько часов, находя в разговоре с умной и добродетельной женщиной такое очарование и удовольствие, каких никогда не могли доставить ему самые блестящие умники его двора. Более проницательные из придворных уже стали подмечать, что сюда перенесен центр, находившийся ранее в великолепных салонах де Монтеспан, и что отсюда идут веяния, ревностно подхватываемые желавшими сохранить за собой расположение короля. Делалось это при дворе довольно просто. Как только король бывал благочестив, все бросались к молитвенникам и четкам. Когда он предавался легкомысленным развлечениям, кто мог сравняться с беспечностью его ретивых последователей? Но горе тем, кто бывал легкомыслен в дни молитв или ходил с вытянутым лицом, когда король изволил смеяться. А потому испытующие взгляды приближенных были вечно устремлены на него и на каждого, имевшего на короля влияние. Опытный придворный при первом намеке на возможность перемен мог сразу изменить свое поведение так, что казалось, будто именно он идет впереди, а не плетется в хвосте других.

Молодому гвардейскому офицеру до сих пор почти не приходилось разговаривать с госпожой де Ментенон, ввиду ее уединенного образа жизни и открытого присутствия только во время церковных служб. Поэтому он был настроен сейчас нервно и в то же время испытывал любопытство, идя вслед за молодой девушкой по пышным коридорам, убранным со всей роскошью, на которую способны искусство и богатство. Мадемуазель Нанон остановилась перед одной из дверей и обернулась к своему спутнику.

– Мадам желает побеседовать с вами о том, что произошло сегодня утром, – произнесла она. – Советую вам ни слова не говорить ей о вашем вероисповедании – это единственная тема, способная ожесточить ее сердце. – Она приподняла палец в знак предостережения, постучалась в дверь и открыла ее. – Я привела капитана де Катина, мадам, – промолвила она.

– Пусть войдет.

Голос был тверд, но нежен и музыкален.

Де Катина, повинувшись приказанию, вошел в небольшие по размеру комнаты, убранные немногим лучше той, что полагалась ему. Но, несмотря на простоту, все здесь отличалось безукоризненной чистотой, обнаруживая изысканный вкус обитавшей в них женщины. Мебель, обтянутая тисненой кожей, ковер, картины на сюжеты из Священного Писания, замечательно художественно исполненные, простые, но изящные занавеси – все это производило впечатление какой-то церковности, полуженственности, в общем, чего-то мистически-умиротворяющего. Мягкий свет, высокая белая статуя Пресвятой Девы в нише под балдахинном, с горящей перед ней и распространяющей благовоние красноватой лампадой, деревянный аналойчик и

с золотым обрезом молитвенник придавали комнате скорее вид молельни, чем будуара очаровательной женщины.

По обеим сторонам камина стояло по небольшому креслу, обтянутому зеленой материей, одно – для мадам, другое – для короля. На маленьком треногом стуле между креслами помещалась рабочая корзина с вышиванием по канве. Когда молодой офицер вошел в комнату, хозяйка сидела в кресле, подальше от двери, спиной к свету. Она любила сидеть так, хотя немногие из женщин ее возраста способны были не испугаться лучей солнца; но де Ментенон, благодаря здоровой и деятельной жизни, сохранила и чистоту кожи, и нежность лица, которым могла бы позавидовать любая юная придворная красавица. Она обладала грациозной царственной фигурой; жесты и позы мадам были полны природного достоинства, а голос, как уже заметил де Катина ранее, звучал удивительно нежно и мелодично. Ее лицо было скорее красиво, чем привлекательно, напоминая лик статуи, широким белым лбом, твердым, изящно очерченным ртом и большими, ясными серыми глазами, обычно серьезными и спокойными, но способными отражать малейшее движение души, от веселого блеска насмешки до вспышки гнева. Но возвышенное настроение было преобладающим выражением на этом лице, благодаря чему де Ментенон являлась полным контрастом своей сопернице, на прекрасном челе которой отражалась всякая мимолетная чувственность. Правда, остроумием и колкостью языка де Монтеспан превосходила ее, но здравый смысл и более глубокая натура последней должны были одержать в конце концов верх. Де Катина не имел времени замечать все подробности. Он только ощущал присутствие очень красивой женщины; ее большие задумчивые глаза, устремленные на него, словно читали его мысли.

– Мне кажется, я уже видала вас, сударь.

– Да, мадам, я имел счастье раза два сопровождать вас, хотя и не удостоился чести разговаривать с вами.

– Я веду столь тихую и уединенную жизнь, что, по-видимому, мне неизвестны многие из лучших и достойнейших людей двора. Проклятием такого рода обстановки является то, что все дурное резко бросается в глаза и невозможно не обратить на него внимания, в то время как все хорошее и доброе прячется благодаря присущей им скромности так, что иногда перестаешь даже верить в их существование. Вы военный?

– Да, мадам. Я служил в Нидерландах, на Рейне и в Канаде.

– В Канаде? Что может быть лучше для женщины, как состоять членом чудесного братства, основанного в Монреале святой Марией Причастницей и праведной Жанной ле Бер. Еще на днях мне рассказывал о них отец Годе. Как радостно принадлежать к корпорации и от святого дела обращения язычников переходить к еще более драгоценной обязанности ухаживать за больными воинами Господа, пострадавшими в битве с сатаной.

Де Катина хорошо была известна ужасная жизнь этих сестер, с угрозой постоянной нищеты, голода и скальпирования, а потому было странно слышать, что дама, у ног которой лежали все блага мира, с завистью говорит об их участи.

– Они очень хорошие женщины, – коротко проговорил он, вспоминая предупреждения мадемуазель Нанон и боясь затронуть опасную тему разговора.

– Без сомнения, вам посчастливилось видеть и блаженного епископа Лавалья?

– Да, мадам.

– Надеюсь, что сульпицианцы не уступают иезуитам?

– Я слышал, что иезуиты сильнее в Квебеке, а те в Монреале.

– А кто ваш духовник, сударь?

Де Катина почувствовал, что наступила тяжелая минута.

– У меня его нет, мадам.

– Ах, я знаю, что часто обходятся без постоянного духовника, а между тем я лично не знаю, как бы я шла по моему трудному пути без моего жоака. Но у кого же вы исповедуетесь?

– Ни у кого. Я принадлежу к реформатской церкви, мадам.

Де Ментенон сделала жест ужаса, и внезапно жесткое выражение появилось в ее глазах и около рта.

– Как, даже при дворе и вблизи самого короля! – вскрикнула она.

Де Катина был довольно-таки равнодушен ко всему, что касалось религии, и придерживался своего вероисповедания скорее по семейным традициям, чем из убеждения, но самолюбие его было оскорблено тем, что на него смотрели так, словно он признался в чем-то отвратительном и нечистом.

– Мадам, – сурово проговорил он, – как вам известно, люди, исповедовавшие мою веру, не только окружали французский трон, но даже сидели на нем.

– Бог в Своей премудрости допустил это, и кому же лучше знать это, как не мне, бабушка которой, Теодор д'Обиньи, так много способствовал возложению короны на главу великого Генриха. Но глаза Генриха открылись раньше конца его жизни, и я молю – о, молю от всего сердца, – чтобы открылись и ваши!

Она встала и, бросившись на колени перед аналоем, несколько минут простояла так, закрыв лицо руками. Объект ее молитвы между тем в смущении стоял посреди комнаты, не зная, за что считать подобного рода внимание: за оскорбление или за милость. Стук в дверь возвратил хозяйку к действительности, в комнату вошла преданная ей субретка.

– Король будет здесь через пять минут, мадам, – проговорила она.

– Очень хорошо. Станьте за дверью и сообщите мне, когда он будет подходить. Вы передали сегодня утром королю мою записку, месье? – спросила она после того, как они снова остались наедине.

– Да, мадам.

– И как я слышала, госпожа де Монтеспан не была допущена на grand lever?

– Да, мадам.

– Но она поджидала короля в коридоре?

– Да, мадам.

– И вырвала у него обещание повидаться с ней сегодня?

– Да, мадам.

– Мне бы не хотелось, чтобы вы сказали мне то, что может показаться вам нарушением долга. Но я борюсь против страшного врага и из-за большой ставки. Вы понимаете меня?

Де Катина поклонился.

– Так что же я хочу сказать?

– Я думаю, что вы желаете указать, что боретесь за королевскую милость с вышеупомянутой дамой.

– Беру небо в свидетели, я не думаю о себе лично. Я борюсь с дьяволом за душу короля.

– Это то же самое, мадам.

Она улыбнулась.

– Если бы тело короля было в опасности, я призвала бы на помощь его верных телохранителей, но тут дело идет о чем-то гораздо более важном. Итак, скажите мне, в котором часу король должен быть у маркизы?

– В четыре, мадам.

– Благодарю вас. Вы оказали мне услугу, которой я никогда не забуду.

– Король идет, мадам, – произнесла Нанон, просовывая голову в дверь.

– Значит, вам нужно уходить, капитан. Пройдите через другую комнату в коридор. И возьмите вот это. Тут изложение католической веры сочинения Боссюэ. Оно смягчило сердца других, быть может, смягчит и ваше. Теперь прощайте.

Де Катина вышел в другую дверь. На пороге он оглянулся. Де Ментенон стояла спиной к нему, подняв руку к камину. В ту минуту, когда он взглянул на нее, она повернулась, и он смог разглядеть, что она делала: де Ментенон переводила стрелку часов.

Глава IX Король забавляется

Капитан де Катина только что вышел в одну дверь, как мадемуазель Нанон распахнула другую, – и король вошел в комнату. Госпожа де Ментенон, приятно улыбаясь, низко присела перед ним. Но на лице гостя не появилось ответной улыбки. Он бросился в свободное кресло, надув губы и нахмутив брови.

– Однако это очень плохой комплимент, – воскликнула она с веселостью, к которой умела прибегать всякий раз, как бывало нужно рассеять мрачное настроение короля. – Моя темная комната уже отбросила на вас тень.

– Нет, не она. Отец Лашез и епископ из Мо все время гонялись за мной, словно собаки за оленем, толкуя о моих обязанностях, моем положении, моих грехах, причем в конце этих увещаний неизбежно появились на сцену Страшный суд и адский пламень.

– Чего же они хотят от вашего величества?

– Нарушения присяги, данной мной при восшествии на престол и еще раньше – моим дедом. Они желают отмены Нантского эдикта и изгнания гугенотов из Франции.

– О, вашему величеству не следует тревожиться такими вещами.

– Вы не хотели, чтобы я сделал это, мадам?

– Ни в каком случае, если это может огорчить ваше величество.

– Может быть, в вашем сердце ютится слабость к религии юности?

– Нет, ваше величество, я ненавижу ересь.

– А между тем не хотите изгнания еретиков?

– Помните, ваше величество, что Всемогущий может, если будет на то Его воля, склонить сердца их ко благу, как Он некогда склонил мое. Не лучше ли вам оставить их в руках Божьих?

– Честное слово, это прекрасно сказано, – заметил Людовик с просиявшим лицом. – Посмотрим, что сможет на это ответить отец Лашез. Тяжело слушать угрозы о вечных муках за то только, что не желаешь гибели своего королевства. Вечные муки! Я видел лицо человека, прошедшего в Бастилии только пятнадцать лет. Но оно было похоже на страшную летопись; каждый час жизни этого преступника был отмечен рубцом или морщиной. А вечность?

Он содрогнулся при одной мысли об этом, и выражение ужаса мелькнуло в его глазах. Высшие мотивы мало действовали на душу короля, как это давно было подмечено его окружающими, но ужасы будущей жизни пугали Людовика.

– Зачем думать об этих вещах, ваше величество? – спросила госпожа де Ментенон своим звучным успокаивающим голосом. – Чего бояться вам, истинному сыну церкви?

– Так вы думаете, что я спасусь?

– Конечно, ваше величество.

– Но ведь я грешил, и много грешил. Вы сами твердили мне об этом.

– Все уже в прошлом, ваше величество. Кто не был грешен? Вы отвратились от искушения и, без сомнения, заслужили прощение.

– Как бы мне хотелось, чтоб королева была еще жива! Она увидела бы мое исправление.

– И я сама желала бы этого, ваше величество.

– Она узнала бы, что этой переменной я обязан вам. О, Франсуаза, вы мой ангел-хранитель во плоти. Чем могу я отблагодарить вас за все, сделанное для меня?

Он нагнулся, взяв ее за руку. Но при этом прикосновении в глазах короля внезапно вспыхнул огонь страсти, и он протянул другую руку, намереваясь обнять женщину. Госпожа де Ментенон поспешно встала с кресла.

– Ваше величество, – промолвила она, подымая палец. Лицо ее приняло суровое выражение.

– Вы правы, вы правы, Франсуаза. Сядьте, пожалуйста, я сумею овладеть собой. Все та же вышивка.

Он поднял один край шелковистого свертка. Де Ментенон села снова на место, предвзвительно бросив быстрый пронизательный взгляд на своего собеседника, и, взяв другой конец вышивки, принялась за работу.

– Да, ваше величество. Это сцена из охоты в ваших лесах Фонтенбло. Вот олень, за которым гонятся собаки, и нарядная кавалькада кавалеров и дам. Вы выезжали сегодня, ваше величество?

– Нет. Отчего у вас такое ледяное сердце, Франсуаза?

– Я желала бы, чтобы оно было таким, ваше величество. Может быть, вы были на соколиной охоте?

– Нет. Наверное, любовь мужчины никогда не коснулась этого сердца. А между тем вы были замужем.

– Скорее сиделкой, но не женой, ваше величество. Посмотрите, что за дама в парке? Наверное, мадемуазель! Я не знала о ее возвращении из Шуази.

Но король не хотел переменить темы разговора.

– Так вы не любите этого Скаррона? – продолжал он. – Я слышал, что он был стар и хромотал, как некоторые из его стихов.

– Не отзывайтесь так о нем, ваше величество. Я была благодарна этому человеку, уважала его и была ему предана.

– Но не любили?

– К чему ваши попытки проникнуть в тайны женского сердца?

– Вы не любили его, Франсуаза?

– Во всяком случае, по отношению к нему я честно исполняла свой долг.

– Так это сердце монахини еще не тронуту любовью?

– Не спрашивайте меня, ваше величество.

– Оно никогда...

– Пощадите меня, ваше величество, молю вас!

– Но я должен знать, так как от вашего ответа зависит мой душевный покой.

– Ваши слова огорчают меня до глубины души.

– Неужели, Франсуаза, вы не чувствуете в вашем сердце слабого отблеска любви, горящей в моем?

Монарх встал и с мольбой протянул руки к своей собеседнице. Та отступила на несколько шагов и склонила голову.

– Будьте уверены только в том, ваше величество, – произнесла она, – что любите вы меня, как никогда еще ни одна женщина не любила мужчину, то и тогда я скорее бы бросилась из этого окна вниз на мраморную террасу, чем намекнула бы вам о том хотя бы единым словом или жестом.

– Но почему, Франсуаза?!

– Потому, ваше величество, что моя высочайшая цель земной жизни заключается в том, так, по крайней мере, мне кажется, что я призвана обратить ваш дух к более возвышенным делам, и никто так хорошо не знает величия и благородства вашей души, как я.

– Разве моя любовь так низка?

– Вы растеряли слишком много времени и мыслей на любовь к женщинам. А теперь, государь, годы проходят и близится день, когда даже вам придется дать отчет в своих поступках и в сокровеннейших мыслях. Я хочу, чтобы вы употребили остаток жизни на устройство церкви, показали благородный пример вашим подданным и исправили зло, причиненное, может быть, в прошлом.

Король повалился в кресло.

– Опять то же самое, – простонал он. – Да вы еще хуже отца Лашеза и Боссюэ.

– Ах, нет! – весело перебила она с не изменявшим ей никогда тактом. – Я надоела вам, сир, между тем как вы удостоили меня своим посещением. Это действительно черствая неблагодарность с моей стороны, и я получила бы справедливое наказание, если бы завтра вы не разделили со мной одиночества, омрачив таким образом весь мой последующий день. Но скажите, государь, как подвигаются постройки в Марли? Я горю от нетерпения узнать, будет ли действовать большой фонтан.

– Да, он прекрасно работает, но что касается построек, то Мансар слишком отодвинул правый флигель. Я сделал из этого человека недурного архитектора, но все же еще приходится учить его многому. Сегодня я указал ему на его ошибку, и он обещал мне все исправить.

– А во что обойдется эта поправка, ваше величество?

– В несколько миллионов ливров, но зато вид с южной стороны будет гораздо лучше. Я занял под здание еще милую землю вправо – там ютилась масса бедноты, хижины которых были далеки от красоты.

– А почему вы не совершали сегодня прогулки верхом, ваше величество?

– Это не доставляет мне ни малейшего удовольствия. Было время, когда кровь во мне закипала при звуке рога или топота копыт, но теперь все это только утомляет меня.

– А охота с соколами?

– Меня и это больше не интересует.

– Но вам нужны же какие-нибудь развлечения, государь?

– Что может быть скучнее удовольствия, переставшего развлекать? Не знаю, как это случилось. Когда я был мальчиком, меня и мать постоянно гоняли с места на место. Тогда против нас бунтовала Фронда, а Париж кипел возмущением – и все же даже жизнь в опасностях казалась мне светлой, новой, полной интереса. Теперь же, когда везде безоблачно, когда мой голос – первый во Франции, а голос Франции – первый в Европе, все кажется мне утомительным и скучным. Что пользы в удовольствии, если оно надоедает мне, лишь только я его испробую?

– Истинное наслаждение, государь, заключается только в ясности духа, в спокойствии совести. И разве не естественно, что, по мере надвигающейся старости, наши мысли окрашиваются в более серьезный и глубокий цвет? Будь иначе, мы вправе были бы упрекать себя в том, что не извлекли никакой выгоды из уроков, преподанных жизнью.

– Может быть; но, во всяком случае, и скучно осознавать, что ничто не интересует тебя больше. Но чей это стук?

– Моей компаньонки. Что нужно, мадемуазель?

– Пришел месье Корнель читать королю, – сообщила молодая девушка, открывая дверь.

– Ах, да, ваше величество. Я знаю, как бывает порой надоедлива глупая женская болтовня, а потому пригласила кое-кого поумнее – развлечь вас. Должен был прийти месье Расин, но мне передали, что он упал с лошади и вместо себя прислал своего друга. Позвольте ему войти?

– Как вам угодно, мадам, как угодно, – безучастно промолвил король.

По знаку компаньонки в комнате появился маленький человек болезненного вида с хитрым, живым лицом и длинными седыми волосами, падавшими на плечи. Он, сделав три низких поклона, робко сел на самый край табурета, с которого хозяйка сняла свою рабочую корзину. Она улыбнулась и кивнула головой поэту, ободряя его, а король с покорным видом откинулся на спинку кресла.

– Прикажете комедию, или трагедию, или комическую пастораль? – робко спросил Корнель.

– Только не комическую пастораль, – решительно сказал король. – Такие вещи можно играть, но не читать: они приятнее для глаз, чем для слуха.

Поэт поклонился в знак согласия.

– И не трагедию, сударь, – добавила госпожа де Ментенон, подымая глаза от работы. – У короля и так достаточно серьезных дел, и я рассчитываю на ваш талант, чтобы его поразвлечь.

– Пусть это будет комедия, – решил Людовик. – С тех пор как скончался бедняга Мольер, я ни разу не смеялся от души.

– Ах, у вашего величества действительно тонкий вкус! – вскрикнул придворный поэт. – Если бы вы сообразовали заняться поэзией, что стало бы тогда со всеми нами?!

Король улыбнулся. Никакая лесть не казалась ему достаточно грубой.

– Как вы обучили наших генералов войне, художников искусству, так настроили бы и лиры ваших бедных певцов на более высокий лад. Но Марс едва ли согласился бы почивать на более смиренных лаврах Аполлона.

– Да, мне иногда казалось, что у меня действительно налицо способности этого рода, – снисходительно ответил король, – но среди государственных забот и тягостей у меня, как вы сами заметили, остается слишком мало времени для занятий изящным искусством.

– Но вы поощряете других в том, что могли бы так прекрасно исполнять сами, ваше величество. Как солнце рождает цветы, так вы вызвали появление поэтов. И сколько их! Мольер,

Буало, Расин, один выше другого. А кроме них, второстепенные – Скаррон, столь непристойный и вместе с тем такой остроумный... О Пресвятая Дева! Что сказал я?!

Госпожа Ментенон положила на колени вышивание и с выражением величайшего негодования глядела на поэта, завертевшегося на стуле под строгим взглядом ее полных упрека холодных серых глаз.

– Я полагаю, господин Корнель, вам лучше начать чтение, – сухо промолвил король.

– Несомненно, ваше величество. Прикажете прочесть мою пьесу о Дарии?

– А кто такой Дарий? – спросил король, образование которого, благодаря хитрой политике кардинала Мазарини, было так заброшено, что он являлся невеждой во всем, кроме того, что входило в круг его непосредственных наблюдений.

– Дарий был царь Персии, ваше величество.

– А где находится Персия?

– Это – царство в Азии.

– Что же, Дарий и теперь царствует там?

– Нет, государь; он сражался против Александра Великого.

– А! Я слышал об Александре. Это был знаменитый царь и полководец, не так ли?

– Подобно вашему величеству, он мудро управлял страной и победоносно предводительствовал войсками.

– И был царем Персии?

– Нет, Македонии, государь. Царем Персии был Дарий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.